

НАТАЛЬЯ
ШЕГАЛО

УЗНИК
ТАБЕРНАКЛЯ

18+

Наталья Шегало

Узник табернакля

<https://litres.ru/73886843>

SelfPub; 2026

Аннотация

В одну злополучную ночь в магический круг, подготовленный для древнего ритуала, случайно занесло постороннего. В XXI веке люди давно перестали верить в средневековую магию, но немногие посвященные в ее тайны по-прежнему обязаны выполнять древний договор с потусторонним миром. Повинуясь такому обязательству, ведьма Эльга Моригл берётся вывести из круга нарушителя, который не желает покидать его по своей воле. Но по своей ли? Вместе с Горацием Доллахом – детективом из иного мира, Эльга отправляется по следу преступника, чье имя давно забыто. Им предстоит расследование, которое уведёт в далёкое прошлое и навсегда изменит будущее. Но они из разных миров и эпох. Один верит в справедливость и честь, а другая давно уже ни во что не верит. Их союз кажется невозможным. Смогут ли герои узнать имя узника табернакля или станут его следующей жертвой?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Стандартное проклятие вечера пятницы	11
Глава 2. Издержки плохого характера	36
Глава 3. Опоздавших время не ждёт	60
Глава 4. Без права на побег	87
Глава 5. От свидетельницы до соучастницы	110
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Наталья Шегало

Узник табернакля

Пролог

Четвёртого декабря 1530 года, в день Святой Барбары, на улицах Литутьофа было не протолкнуться. Фермеры с окрестных деревень толпились у лавок, нарядно одетые горожане высыпали из домов. На *missa pro sancto*¹ прибыли из загородных поместий знатные семейства. Торжественное шествие по соборной площади уже закончилось, хвост процессии втянулся под своды главного нефа храма, где и без того было тесно. Собор Святой великомученицы Илиопольской утопал в праздничном убранстве. Говорили, что, несмотря на скромные размеры и многочисленные перестройки, красотой своих внешних очертаний он превосходил все церкви здешнего края. Особенно живописно смотрелась восьмигранная западная башня с каменным резным порталом. При первых, ещё довольно негромких звуках органа, бормотание и шум в толпе окончательно смолкли. Литургия, призванная воззвать к единению сердец, должна была начаться с единения голосов, и верующие, внимая любуясь сверху с хоров звукам органа, готовились петь пер-

¹ Месса в честь святого (лат.)

ВЫЙ ГИМН.

— Он здесь, — одними губами произнёс стоящий на хорах человек, небрежно склонившись к органисту, и демонстративно поправил нотный лист.

Тот кивнул, принимая к сведению его слова, и, дождавшись особенно мощного аккорда, заглушающего любые голоса, также тихо ответил:

— К алтарю он не сунется. Его цель рядом.

Тот, кто притворялся перевертмейстером², снова потянулся правой рукой к нотным листам на пюпитре органа, но неожиданно сделал короткий, выразительный жест, словно набросил кончиками пальцев на что-то лёгкую ловчую сеть, и тут же, словно ничего странного не произошло, вернулся к партитуре. Только блеснул кровавой каплей камень в его перстне.

— Рыбка попалась, — удовлетворённо сообщил он.

— Пока ещё нет, — органист слегка покачал головой. — Думаю, он не станет рисковать и нападёт, лишь когда войдёт в полную силу. Продолжай следить за ним.

Орган на пару секунд смолк. Верующие шумно поднялись. Певчие на хорах, повинаясь жесту кантора, набрали воздуха в лёгкие. Мелодия святого гимна хлынула с хоров и была подхвачена стоявшими внизу. Начавшись с чистых, выверенных голосов певчих, она набирала силу и мощь звучания, наполняя собой всё пространство собора, обволаки-

² Перевертмейстер — человек, который преворачивает ноты музыканту

вая каждого поющего и погружая его в море всеобщего ликования, что широко плескалось теперь под сводами древнего собора.

Перевертмейстер, стараясь не привлекать внимания, тихо скользнул в сторону певчих. Его движение осталось незамеченным для всех, кроме того, кто стоял в тени небольшой арки, на верхней ступени лестницы, ведущей вниз с хоров в боковой неф. Декан собора, вместо того чтобы давно занять своё почётное место на скамье с высокой резной спинкой, почему-то медлил, пристально вглядываясь из сумрака лестничного проёма в лицо молодого певчего, стоявшего в первом ряду. И на это были очень весомые причины. Пальцы декана тоже двигались весьма странно, словно он копировал движения органиста.

Певчий же, за которым наблюдали теперь как минимум две пары глаз, не замечал ничего, поглощённый священным гимном. Его голос, удивительно чистый и глубокий, был легко различим в общем хоре. Не случайно и вполне заслуженно сравнивали юного певца на родине с Романом Сладкопевцем, который, по легенде, получил свой дар от самой Богородицы.

Я так влюбился в голос этой песни,
И так он мной всецело овладел,
Что я вовек не ведал уз чудесней³...

³ Данте. Божественная комедия. Песнь 14.

«А ведь Данте знал», — вдруг подумал декан. Дар этот был действительно прекрасен. Голос — одновременно сильный и нежный, зовущий и кроткий — проникал глубоко в душу. Магия этого голоса постепенно захватывала слушателей, разливала по венам неземное блаженство, влекла вверх к горним высям, заставляя трепетать от невыразимого восторга. И мерещились в чарующем ореоле созданной иллюзии и ангелы в сиянии света, и херувимы, осенённые крылами, и святые, сходящие на землю. Да что только не мерещилось! Только сам одарённый, полуприкрыв глаза и сложив руки в молитвенном жесте, знать не знал и ведать не ведал о своих скрытых способностях и тайной власти над замершими вокруг, онемевшими от счастья людьми.

А вот тот, кого они ждали, прекрасно знал!

Любому одарённому чужой дар нельзя не заметить, как бельмо в глазу.

Мелодия, которую выводил хор, оборвалась, и в этот момент молодой певчий вдруг покачнулся, а потом резко, решительно открыл глаза, в которых блеснула фанатичная решимость. Рука декана взметнулась в угрожающем жесте, стоявший у стены перевертмейстер рванулся вперёд, широко растопырив пальцы, будто ловил что-то невидимое, органист резко крутанулся на скамье. Певчих сдуло с возвышения в разные стороны.

— Стражи! — прошипел певчий совершенно другим,

хриплым и скрипучим голосом, отступая назад.

Обряд экзорцизма начался.

— Не ожидал? — выступивший наконец из лестничного проёма декан медленно приближался к ступеням хора. — Здесь закончится твой путь, Темеш! Прими свою участь!

*Vade retro*⁴!

Певчий зашипел, заслоняясь, словно от солнца, от жгучего взгляда декана, приковавшего его к месту.

— Ты назвал не моё имя, страж! — выдохнул он.

— Разве ты забыл фамилию своей матери? Приказываю тебе оставить это тело, Темеш! *Vade retro!*

— *Vade retro!* — хором повторили два других стража.

Теперь певчий пытался заслониться от обступившей его троицы. Он дёрнулся в одну сторону, но натолкнулся на невидимый барьер, метнул быстрый взгляд в другую.

— Тебе не сбежать, — предупредил перевертмейстер. — Ни в этом теле, ни без него тебе не сбежать!

— Я пройду сквозь вас, как молния сквозь тучи! — угрожающе прохрипел певчий.

— Для молнии ты уже недостаточно силён, — насмешливо бросил декан, продолжая наступать. — Ты растратил свой дар впустую.

⁴ «Отойди назад» или «Иди назад» (лат.) Выражение «*Vade retro Satana*» используется в христианской традиции со Средних веков, в том числе в обрядах экзорцизма для изгнания духов и отпору Сатане. Формула получила одобрение папы Римского Бенедикта XIV и стала частью римско-католического ритуала в 1742 году.

Кольцо стражей сжималось всё плотнее. И в этом кольце фигура певчего корчилась, словно в огне, не в силах вырваться за скрытую в круге преграду.

— Я достаточно силён, чтобы убить тебя! — прорычал он.

— Ты никого больше не убьёшь! Третий раз я назову твоё имя, и ты покинешь это тело. Не ухудшай своей участи, прими наказание добровольно.

Декан сделал властный жест рукой, и певчий, словно против своей воли, упал на колени.

— *Vade retro, Satana!* — вдруг раздалось чьё-то новое восклицание.

Из тёмного проёма лестницы на хоры внезапно вылетел вспотевший от быстрого бега полный человек с выбритой тонзурой, с фолиантом Евангелия в руках, спешивший принять участие в обряде. Неодарённый!

— Уберите дурака! — рявкнул декан, но поздно.

На долю секунды три стража непроизвольно ослабили хватку, стремясь вытеснить из туго скрученной воронки постороннего. И этот миг оказался для певчего последним шансом. Он вскочил с колен и рванулся к лестнице, снося по дороге непрошенного помощника. Декан кинулся наперерез, блокируя телу певчего путь к бегству. Тот заметался в поисках другого выхода. Два стража стремительно швырнули новую сеть заклинания в его сторону, пытаясь накрыть беглеца так, чтобы при этом не задеть сбитого с ног ретивого монаха.

— *Vade retro, Temem!* — в последнем рывке, силясь дотя-

нуться рукой до ускользающей тени, крикнул декан.

Тень зацепилась за его руку, как за крюк, судорожно задёргалась, норовя вырваться, но декан держал беглеца крепко. Но тело...

Тело певчего продолжало по инерции двигаться дальше. Он вскочил на балюстраду балкона, на секунду декан увидел расширенные от ужаса глаза.

— Лоренцо! — отчаянно закричал органист. — Лоренцо, нет!

— Держать круг! — выкрикнул декан, второй рукой наощупь лоя певчего за огненно-красное одеяние.

Ткань затрещала.

— Нет!

И лепесток пламени сорвался с хоров.

Глухой удар о каменные плиты собора где-то далеко внизу грянул, как набат басового колокола.

Последняя жертва не избежала смертельной участи.

Глава 1. Стандартное проклятие вечера пятницы

Приступая к сим запискам, дабы оные послужили наставлением потомкам, которым суждено унаследовать сей край после нас, почитаю своим долгом предупредить читателей: не всякие имена могу я назвать, ибо знание оных может оказаться пагубнее незнания. Равно как и не всякое событие смогу я описать со всею подробностью, коей оно достойно. Но всему, о чём вознамерился поведать, я был свидетелем лично, в чём ручаюсь своею печатью и всей своей долгою жизнью, отданной беззаветному служению Господу нашему и Его Святой Церкви и пастве своей.

«Тайные записки декана собора Святой Барбары округа Литультоф»

Окрестности Литультофа. Наши дни.

Эльга загнала машину в гараж и только потом вспомнила, что холодильник дома пуст. Снова открывать и закрывать старые ворота, терпеть визгливую истерику ржавых петель было невыносимо. После тяжёлого дня хотелось тишины и холодного покоя. Она решила прогуляться до магазина пешком. Пара километров до супермаркета по деревенской улице может вполне послужить успокаивающим вечерним мо-

ционом. Одиночество гарантировано: даже здороваться ни с кем не придётся — последние жители посёлка, как перелётные птицы, к ноябрю откочевали на тёплые зимовья в город. Редкие фонари уютно светили, создавая иллюзию присутствия жизни. Впрочем, в темноте Эльга тоже видела прекрасно.

Первый снег в предгорьях обещали ещё с утра, и небо не поскупилось на осадки, хотя снежинки и были мелкими, как пыль. Идти по асфальту в новых кроссовках оказалось легко, до магазина Эльга добралась быстро. Тут, как всегда, царил суев: сновали паркующиеся машины, слепя фарами и оглушая дрянной музыкой из динамиков, гремели тележки с продуктами, на кассовой ленте со звяканьем перекатывались чьи-то бутылки. После трудовой недели жаждущие пива и зрелищ закупались на два выходных вперёд. Эльга и сама от голода набрала в тележку лишнего, забыв, что оставила машину дома. Теперь два тяжёлых пакета предстояло тащить самой. На обратном пути снег заметно усилился, поэтому Эльга поглубже натянула капюшон пальто и зашагала быстрее.

Когда на мосту ей под ноги легла чужая тень, раздражение от тяжёлых пакетов и глупой затеи с прогулкой уже как раз подбиралось к апогею. Поэтому Эльга просто сделала шаг в сторону, обходя препятствие без всякого намерения останавливаться. Но тень оказалась настойчивой. Вторая попытка обогнуть тень с другой стороны тоже не удалась. Эль-

га ещё немного постояла в тщетной надежде, что тень сама освободит ей дорогу, и, наконец, смирившись, поставила на асфальт пакеты и только потом, освободив замёрзшие без перчаток руки, откинула с лица капюшон.

Тень стояла перед ней, преграждая путь.

— Твоя ночь завтра! — устало сообщила ей Эльга.

— Я знаю, — голос был мужским, и тень, вероятно, тоже.

С места тень, однако, не сдвинулась.

— И полнолуние тоже завтра, — напомнила Эльга.

— Я знаю, — прозвучал терпеливый ответ.

— Так какого... — пытаюсь сохранить остатки вежливости, она подавила готовое уже вырваться крепкое словцо, — ты делаешь тут сегодня?

— Нужна помощь.

— В пятницу? — желчно поинтересовалась она. — В девять вечера?

— Да.

— А нельзя подождать до завтра?

— Нет. Завтра будет поздно.

Обречённый выдох Эльги рассеялся облачком пара. Аргументы у неё кончились. У всех одарённых есть обязанности перед потусторонним миром, которыми нельзя пренебрегать. И Эльгу только что поставили перед фактом, что древние повинности никто не отменил. Что получила — изволь отдать. Отдашь — получишь назад, не отдашь — не получишь. Обладание даром, как бы привлекательно это ни

звучало, вовсе не безвозмездно. Дар — это вовсе не подарок, а скорее договор, который лучше не нарушать.

— Что случилось? — спросила Эльга у тени, понимая, что ей уже не отвертеться.

— Нужно вывести постороннего из круга.

— Постороннего? Где вы только взяли в такое время постороннего! Ты хранитель?

— Возможно, случайно занесло. Я — хранитель.

Он терпеливо отвечал на каждый её вопрос по порядку. Эльга пожала плечами.

— Призови стража, — посоветовала она. — Это его обязанность.

— У моего круга нет стражей, — ответил хранитель.

— Жаль, — заметила Эльга. — В пятницу вечером нормальные посторонние по домам сидят! Это только одарённых «случайно» в круг заносит.

Она подняла пакеты, но её собеседник, вероятно, расценил это как отказ.

— Он — неодарённый. Ты — единственная, кого я смог найти рядом. Круг недалеко.

— Да пойду я, пойду, — смиренно пообещала она. — Пакеты только с дороги на обочину уберу. Где круг?

— Небольшой холм, метров пятьсот от дороги через поле.

— Через поле? — она с жалостью посмотрела на свои белые кроссовки. — Там же всё уже перепаханно.

Любой мало-мальски пригодный клочок земли в предго-

рьях фермеры старались приспособить под сельское хозяйство, и участки эти редко могли похвастаться горизонтальностью: чаще всего они располагались на склонах — пологих, а иногда и не очень.

— Я постараюсь провести тебя по более ровным местам, — пообещал владелец тени.

— Да уж, спасибо, — благодарности в голосе Эльги было мало. — Веди.

Тень бесшумно скользнула в сторону от фонаря. Непосвящённый мог бы уловить только вихрь снежинок в воздухе, закрученный бестелесным просителем, но для Эльги с её шестым чувством присутствие выходца из потустороннего мира было таким же очевидным, как придорожный столб, у которого она бросила пакеты.

Она никогда не обращала внимания на этот холм. Холм как холм, мало ли таких в предгорьях? Времена, когда каждая гора подпадала под подозрение как место шабаша ведьм или встречи с духами, давно миновали. Блага современной цивилизации свели на нет нужду в магических ритуалах, и старинные праздники утратили своё былое значение, оставшись лишь датой в календаре. Каждая эпоха переписывала календари под себя, всё дальше отодвигая от живущих древние смыслы полнолуний и равноденствий. Ночь начала зимы превратилась в канун Дня всех святых, а тот, в свою очередь, выродился в шутовской Хеллоуин. Начало лета стало Вальпургиевой ночью. Зимнее солнцестояние кое-как при-

тянули к церковному Рождеству, летнее — к Иоанну Крестителю⁵. Колесо года⁶ прекрасно вращалось и без соблюдения священных обрядов. Мир наверняка по-прежнему сближался и расходился с потусторонним в нужных точках, врата открывались и закрывались, и всё это могло вполне существовать и далее — без содействия Эльги. Тесного общения с потусторонним миром она никогда не жаждала.

И вот надо же случиться, что в пятницу, после изматывающей рабочей недели, этот мир вдруг оказался к ней ближе, чем она ожидала. И, повинувшись архаичному обязательству, ей предстояло теперь тащиться на вершину холма и вытаскивать случайного страдальца из мёртвого кольца, которое он не может покинуть по своей воле. Вот занесло же кого-то ночью, сквозь тьму, грязь и снег, в самую середину подготовленного для ритуала круга!

Первые шаги по краю поля, по сухой, едва припорошённой снегом траве, дались легко, но дальше шла недавно перепаханная земля. Эльга старалась идти вслед за хранителем, который обещал повести её по более ровным участкам, но всё равно постоянно оступалась, то и дело проваливаясь во взрытые плугом трактора борозды, и с трудом сдерживалась,

⁵ Дня всех святых — 1 ноября, Вальпургиева ночь — 1 мая, рождество (католическое) — 25 декабря (дата празднования установлена в IV веке Никейским собором), День святого Иоанна Крестителя — 24 июня.

⁶ Колесо года — существующие у многих европейских народов праздники, привязанные к годовому циклу природных событий и астрономических явлений (сбор урожая, равноденствия, солнцестояния и др.)

чтобы не ругаться. Грязь налипала на подошвы, делая каждый шаг всё тяжелее. На открытом склоне без защиты деревьев было ветрено.

— Зачем наводить круг так близко к дороге? — не удержавшись, бросила она.

— У меня те же претензии, — сухо ответил хранитель и, помолчав, всё-таки пояснил: — Кругу — более тысячи лет, твоей деревне — чуть меньше ста, а асфальтовой дороге — всего сорок. Кто кому мешает?

Эльга вздохнула. Да уж, летние деревенские жители соседством с потусторонним миром не тяготились, потому что знать о нём не знали. А вот ей, конечно, стоило быть в курсе.

Ветер усиливался. Перепаханная земля кончилась, уклон стал круче — значит, они уже взбирались на холм.

— Как только этот ненормальный к вам «случайно забрёл»? — выдохнула Эльга, понимая, что уже запыхалась. — Я бы уже трижды вернулась.

— Он доброволец, — скупно пояснил хранитель.

— Что?! — она резко остановилась, задохнувшись уже от возмущения. — И ты говоришь об этом только сейчас? Когда я уже всю грязь на поле перемесила и почти на холм взобралась! Из-за добровольца? Забирайте его себе — и дело с концом!

— Я не могу его забрать, — прозвучал твёрдый ответ.

— Это ещё почему? Если ему так приспичило — пусть наслаждается желаемым!

— Я не могу его забрать сегодня, — уточнил хранитель и пояснил: — Свежий труп в круге не украсит праздник.

— Не вопрос! — согласилась Эльга. — Завтра утром вызову полицию, труп они заберут.

Она ёжилась на холодном ветру, но не двигалась с места. Тень хранителя теперь преграждала ей дорогу назад.

— Ты — ведьма, — он впервые повысил голос, настаивая на своём, но продолжил спокойно: — Ты должна понимать, что граница уже поставлена. Если добровольца не вывести из круга, он наверняка станет трупом к утру от переохлаждения, хоть я его даже пальцем не трону. И придётся либо оставить мёртвое тело там, либо за ним приедет полиция — натопчет в круге, как стадо коров, снесёт границу. Я должен буду свернуть воронку — ритуал станет бессмысленным. На год оставить круг без силы — фактически обречь его на голод! Не велика ли цена за одного новообращённого, к тому же сумасшедшего самоубийцу?

Снежный вихрь словно отвесил Эльге увесистую пощёчину.

— Назови свою цену, — твёрдо сказал хранитель. — Если это в моей власти, я заплачу её. Но выведи его из круга. Сегодня.

Это было щедрое предложение. Для смертного сделка с кругом в любые времена сулила немислимые выгоды. Тут торговались претенденты на корону, пытаясь поставить на кон или выкупить престол, богачи приносили всё нажитое

в надежде получить вечную молодость, отчаявшиеся влюблённые шли, чтобы стереть память. Здесь можно было узнать будущее и прошлое, призвать в услужение потустороннего помощника, обзавестись защитным амулетом, а главное — получить какой-нибудь особый, сверхъестественный талант, с которым в этом мире просто так не родиться. Но Эльга с таким даром давно уже родилась.

Хранитель ждал, чего потребует потомственная ведьма.

— Бесплатно, — неожиданно буркнула она, разворачиваясь в сторону вершины холма, и добавила уже спокойно: — Пойдём. А то я замерзаю.

Они оба хорошо видели в темноте, поэтому нарушителя обнаружили быстро. Человек сидел на земле в самом центре круглой площадки на вершине холма, тоскливо покачивался из стороны в сторону и, кажется, стонал. Было непохоже, что он вообще собирался покинуть это место. Впрочем, сейчас, без чужой помощи, он бы уже и не смог этого сделать. Четыре раза в год в определённых точках Колеса Года древний холм на одну ночь озаряется ярким пламенем костра и раскрывает врата в потусторонний мир, через которые, по принципу сообщающихся сосудов, энергия одного мира перетекает в другой и обратно. А чтобы процесс шёл быстрее, хранитель врат накануне совершает особый ритуал: сворачивает течение в огромную воронку, собирающую со всей округи силы ветра, воды, земли и огня — всего, до чего сможет дотянуться. Даже мирно спящий в своём доме

обыватель в пределах пары-тройки километров рискует наутро проснуться разбитым и вялым, с головной болью, которую спишет на метеозависимость. В эпицентр этого шторма живым, но неударённым гражданам без защиты лучше не попадать. Тем более накануне Дня всех святых, когда сила течёт из этого мира в потусторонний, а наведённая граница пропускает её только в одном направлении. «Заблудиться в трёх соснах» — довольно точное описание невозможности смертного выйти из круга без посторонней помощи. Круг с наведённой границей и закрученной воронкой — священное место для потусторонних, но запретное — для живых, явившихся без приглашения. Ну а приглашённые знают, что в эту ночь никому, кроме стражей, в круг лучше не заступать. Если повезёт, можно нечаянно пропасть из этого мира минимум до следующего открытия врат. А если не повезёт — просто пропасть и остаться холодным телом на холме. Честь пройти через врата в лучший мир даётся немногим. Но всё равно встречаются отдельные самонадеянные идиоты, начитавшиеся бульварных мистических книжонок и жаждущие проверить обрётённые познания на личном опыте. Раньше хотя бы суеверный страх и церковное проклятие держали таких непосвящённых подальше от кругов. Теперь и того, и другого явно не хватало, дурных идей было в избытке, а количество самонадеянных идиотов оставалось величиной постоянной.

Доброволец, вломившийся в круг, явно переоценил себя,

выбрав именно этот способ расстаться с жизнью. Самоубийц издревле никто с распротёртыми объятиями не принимал. Слишком ядовитую энергию отчаяния приносили они с собой.

Эльга подошла к границе и благоразумно остановилась в шаге от неё, не рискуя нарушать неприкосновенность круга. Хранитель же, наоборот, перешагнул через край, и Эльга увидела, как сгустилась и стала почти осязаемой его тень.

— Эй, ты! — крикнула Эльга сидящему. — Вставай! Иди сюда!

Но ответа не последовало.

— Иди сюда! — прокричала она ещё раз. — Я тебя выведу.

Но фигура не шелохнулась.

— Надеюсь, он ещё не умер? — поинтересовалась она у хранителя.

— Нет, — кратко ответил тот.

— И не оглох, — мрачно добавила Эльга.

Хранитель промолчал. После длинной тирады, закончившейся предложением оплаты, к нему снова вернулась немногословность. «Действительно, — подумала Эльга, — ведь не каждый день хранителю приходится разговаривать с людьми, к тому же ещё и просить. Теперь приходится делать усилия. Что я злюсь, в конце концов? Не из-за кроссовок же. Просто почему именно сегодня, после такой нервной недели, непременно в пятницу? Мало мне было текущих недоум-

ков, чтобы напоследок ещё и самоубийцу уговаривать, чёрт бы его побрал! Не мог выбрать что-то более надёжное: вешаться, топиться, стреляться, таблетки жрать. И желательно поближе к людям, чтобы было кому отговаривать и откачивать».

Эльга щёлкнула пальцами, зажигая на ладони маячок, и подняла руку повыше. Свет озарил её усталое лицо, пожухлую траву, слегка присыпанную свежим, чистым, но тающим снегом, и измазанные грязью белые кроссовки.

— Эй, ты! — снова крикнула она и помахала рукой, пытаясь привлечь внимание самоубийцы. — Иди на свет! На свет!

Но и это не помогло.

Эльга с опаской посмотрела на границу, усиливая свечение. Некоторое время маяк сиял так, что его, наверное, было хорошо видно и с дороги, но сидящий всё равно не реагировал. Огонь пришлось погасить.

Она огляделась в поисках подручных средств спасения, но ничего не обнаружила.

— Тут камни есть? — деловито обратилась она к хранителю.

— Есть, — с лёгким недоумением ответил он и впервые задал вопрос: — А зачем?

— Метну в него булыжником, — с показной жестокостью пояснила Эльга. — Может, попаду.

— Камень большой, — сообщил хранитель. — Ты не под-

нимешь.

Эльга пошарила по карманам, но и там ничего подходящего не нашлось. Ключи от дома и машины, мобильник, пластиковая карта. Что у неё ещё есть?

Пояс!

Она стянула длинный пояс пальто и быстро скрутила в клубок. Из чего только не сделаешь путеводную нить в полевых условиях! Для лучшей видимости она ещё свечения клубку добавила и, размахнувшись, швырнула его в середину круга. Клубок приземлился точно у ног сидящего.

— Эй, ты! — снова крикнула Эльга. — Хватай конец и на выход!

Сидящий поджал под себя ноги, и на какое-то время даже показалось, что он собирается, наконец, встать. Но нет. Он лишь подальше отодвинулся от клубка, упрямо не желая убираться вон из круга. Конец пояса слепо подёргивался на земле в поисках руки ведомого, его свечение быстро тускнело: круг поглощал любую энергию, формируя себе необходимый годовой запас, и через некоторое время клубок превратился в то, чем был изначально, — в пояс от осеннего пальто.

Эльга повернулась к хранителю.

— Какие ещё будут идеи?

Тот не ответил. Просить об ещё одной попытке было уже слишком даже для него.

И всё-таки Эльга решилась.

Она стала осторожно плести связующее заклинание. Хранитель понял.

— Ты рискуешь, — тревожно предупредил он.

— А есть другие варианты? — сердито пожала плечами Эльга.

Сплетённое заклинание предстояло забросить в центр круга. Всё равно что блесну в озеро, чтобы подцепить вялую рыбу. Только на этот раз эта вялая рыба увязла в топком, как болото, омуте воронки, и в перетягивание каната сыграть нужно вовсе не с рыбой, а с самим омутом. Эльга осторожно выпустила сплетённый приказ к цели. Круг жадно втянул в себя струю её колдовства и потянул к себе, так что Эльгу качнуло вперёд, и, чтобы не вступить в опасную зону, она отшатнулась назад. Перетягивание каната с наведённым кругом — это не игра на равных. Но можно попробовать.

Повинуясь её приказу, пояс гибкой змеёй быстро пополз к ногам самоубийцы. Взмах руки — и змея обвилась вокруг ног сидящего. Эльга потянула пояс на себя; сидящий дёрнулся и принялся с упорством маньяка сдирать с себя путы.

Если бы он хотя бы не мешал! Эльга протащила его волоком пару метров. Она рассчитывала, что тянуть добычу вниз по пологому склону холма будет легче, но самоубийца оказался мало того что тяжёлый, так ещё и упрямый. Он цеплялся за пожухлые кочки травы и невысокие кустики, упирался и изворачивался. Силы Эльги быстро таяли, но сдаваться не хотелось. Разорвать заклинание сейчас означало пустить все

усилия насмарку. Эльга чувствовала, что от злости на чужое сопротивление она из вынужденного спасителя рискует превратиться в добровольного палача, но бросить начатое уже не могла.

Ещё один метр дался ей вдвое тяжелее первых двух. Круг был довольно большой, и до границы оставалось ещё немало. Сплетённые в заклинании руки дрожали от напряжения. Несмотря на голод, к горлу подступила кислая, сводящая скулы тошнота.

— Хватит! — Хранитель резким жестом оборвал её связь с заклинанием, словно обрубил туго натянутый канат.

От неожиданности Эльга качнулась назад и неизящно плюхнулась на попу, а последние искры её колдовства жадно втянулись в воронку круга.

— С ума сошла? — Хранитель нависал над ней тёмной гневной тучей. — Хочешь, чтобы вместо одного трупа у меня оказалось два? Один внутри круга, другой — снаружи?

Эльга с ненавистью смотрела, как жертва ползёт обратно, сводя на нет весь её труд.

— Пальто в химчистку, — игнорируя негодование хранителя, констатировала она, не в силах подняться и радуясь возможности отдышаться. — Когда мы его оттуда вытащим, я его, кажется, уже сама убью.

Она ещё немного посидела на земле, понимая, что резко вставать, пожалуй, не стоит.

— Сил его вытащить у тебя, к сожалению, не хватит, —

заметил хранитель. — Ты не практикующая ведьма.

— Других поблизости нет, — раздражённо отрезала Эльга, медленно поднимаясь. — Так что я немного отдышусь и попробую ещё раз.

— Нет, — возразил он. — Будь он в здравом уме, ты бы справилась. Но этот не в себе. Ты потратила много сил. Он может тебе навредить.

Эльга подошла к границе круга и осторожно потрогала воздух перед собой.

— Может, вызвать полицию сейчас? — предложила она. — Если ты снимешь границу.

— Я не сниму, — он отрицательно покачал головой.

Варианты спасения заканчивались. Оставался последний, но его Эльга категорично отвергла:

— Прости, хранитель, но обменять в круге его жизнь на свою я не готова. Какую бы плату ты ни предложил.

Наверное, она сказала что-то лишнее. Хранитель внезапно оказался прямо перед ней.

— Я не принял бы такую жертву, даже если бы плату предложила мне ты, — отчеканил он.

Эльга промолчала. Что ей ещё оставалось? Бесполезно сочувствовать? Бессмысленно торчать на вершине холма под пронизывающим ветром, в грязном пальто и облепленных размякшей глиной кроссовках? Место хранителя — в центре круга. Место живых, даже посвящённых — за его пределами. Всё перепуталось в эту злополучную ночь, и совер-

шенно непонятно, как теперь направить древний ритуал по его прежнему, вековечному руслу.

Хранитель всё ещё стоял рядом. Странно, но в его тени ветер становился слабее.

— Я попробую ещё раз, — упрямо повторила Эльга.

— Нет, — хранитель, казалось, принял какое-то решение.

— Помоги по-другому.

— Как?

— Прочти за него формулу *mutatio corporum*⁷.

— Обмен тел? — с изумлением переспросила Эльга.

О таком ей доводилось только читать, но видеть, а тем более участвовать — никогда. Это была магия высшего порядка, вершимая исключительно при страховых гарантиях круга. Чтобы вступать в такие сделки с потусторонним миром, надо очень близко с ним сойтись, а это под силу немногим. Хотя иного пути попасть из одного мира в другой и вернуться, как правило, нет, на *mutatio corporum* надо ещё решиться. Слишком уж сильно нужно доверять тому, кто получит в полное распоряжение твоё собственное тело на определённый или даже неопределённый срок.

Хранитель кивнул.

— Ты принадлежишь его миру и можешь быть представителем недееспособного в круге. Я отдам ему своё тело и заберу его. Я заключу договор на условиях возврата по первому требованию. Только так я смогу сегодня вывести его из

⁷ Mutatio corporum (лат.) — обмен тел.

круга.

Эльга кивнула.

— Ты наверняка не знаешь наизусть текст договора на латыни, — произнёс хранитель и приказал: — Повторяй за мной слово в слово!

Вот это было легче сказать, чем выполнить: текст договора он прочёл, словно поэму, — на красивом, благозвучном, но совершенно непонятном языке. Эльга с трудом различала какие-то знакомые лексемы вроде «*promisit*»⁸ или «*ad tempore*»⁹. Точно повторить без осознания смысла оказалось очень нелегко: мешали усталость, холод и ветер, и только надежда, что скоро это закончится, слегка придавала сил. Если Эльга ошибалась или сбивалась, хранитель начинал фразу заново, заставляя повторять сначала. Эта дотошность окончательно вымотала Эльгу, так что, когда она произнесла, наконец, последнее «*promisit*», ей впору уже было самой добровольно умереть на вершине холма.

Сам обмен она даже не успела толком проследить. Тень хранителя вдруг безвольно качнулась, круг втянул её в свою воронку, закрутил и унёс куда-то в сторону. Зато тёмная фигура в центре круга поднялась и решительно направилась, наконец, в сторону Эльги.

Только сейчас она смогла разглядеть того, кто обеспечил ей сегодня такой насыщенный вечер. Высокий худощавый

⁸ Promisit (лат) — обязуюсь.

⁹ Ad tempore (лат) — временный.

парень в длинной чёрной шинели и грубых берцах, лет двадцати пяти или чуть старше, с растрёпанными, отросшими тёмными патлами, с измождённым, с заострёнными чертами лицом, на котором живописные круги под глазами свидетельствовали как минимум о недельной бессоннице.

— Страдалец! — с ненавистью произнесла Эльга, начисто забыв про *mutatio corporum*. — И чего тебе не жилось на этом свете?

Парень остановился перед ней, тоже внимательно её разглядывая. У него был странный взгляд, очень не вязавшийся с его осунувшимся нервным лицом: спокойный, прямой и твёрдый, как кол, который, казалось, упёрся Эльге прямо в переносицу.

— Ах да! — под этим взглядом Эльга пришла в себя, осознав, что перед ней сейчас глава круга и огромное желание врезать по физиономии неудавшегося самоубийцы в качестве моральной компенсации останется нереализованным. — Не принимай на свой счёт, хранитель.

Тот церемонно приложил правую ладонь ребром к груди страдальца на уровне сердца и слегка склонил голову — жест признания себя должником.

— Я благодарю тебя от имени круга. Твоя помощь очень ценна. Ты можешь требовать вознаграждения.

Эльга измученно смотрела на него снизу вверх. Интересно, они там у себя в бессмертном мире все такие? Смесь чопорной церемонности с высокомерием? По его мнению, она

сейчас должна оценить свои старания и назвать соответствующую цену? Она оказалась полезной — какое счастье! Давайте подарим ей шитый золотом плащ, коня и полцарства в придачу. Ну или что там принято просить у высших сил? Чем у них принято откупаться?

— Себе оставь! — усмехнувшись, бросила она. — Ты сказал: нужна помощь. Ты её получил. Я уйду.

Она поплотнее запахнулась в пальто. Завтра, а может, даже и сегодня, простуда ей уже обеспечена.

— Разве моя благодарность оскорбительна? — хранитель неожиданно заступил ей дорогу.

Эльга равнодушно сделала шаг в сторону, обходя его, как случайную преграду.

— Оплаченная помощь — это не помощь, а услуга, — бросила она себе за спину. — В следующий раз, хранитель, когда будешь намерен кого-то купить, выражайся яснее.

И снова наткнулась на него, как на препятствие.

— Я не пытался тебя купить! — его взгляд, как шлагбаум, мешал ей пройти.

— Да? — Эльга снова вильнула в сторону и ускорила шаги. — А прозвучало именно так. «Назови свою цену», «можешь требовать вознаграждения», — зло напомнила она.

— Но я в долгу перед тобой, — возразил хранитель. — Я лишь признал свой долг и выразил готовность его погасить! — Он зачем-то шёл рядом, стараясь не отставать, и продолжал спорить.

— Если бы я хотела дать тебе в долг или оказать платную услугу, я назвала бы цену заранее! — Она ещё прибавила шагу, раздражаясь, что не может оторваться от своего спутника. — В любом случае у тебя нет ничего, что я могла бы для себя попросить.

И тут скорость и темнота, наконец, сошлись воедино — Эльга оступилась.

— Не туда, — тихо произнёс хранитель, крепко за плечи удерживая её от падения в осеннюю грязь.

— Что? — переспросила она, не в силах отвлечься от темы их спора.

— Ты идёшь не туда, — также тихо объяснил он и протянул ей руку для опоры. — Я провожу.

Пробираться обратно через вспаханное поле, опираясь хоть на что-то, было всё же сподручнее, чем одной. В процессе совместного преодоления трудностей ссора угасла.

К мосту, где два часа назад Эльге преградила путь тень хранителя, они добрались, изрядно испачкавшись, но не проронив ни слова. Пакеты с продуктами по-прежнему лежали у столба.

— Спасибо, что проводил, — Эльга не намерена была задерживать своего кавалера сверх необходимого.

Но тот не собирался уходить. Он решительно снял чёрную шинель и бросил её на бетонный блок, перегораживающий машинам съезд под мост, где ещё не замёрзла мелкая речушка.

— Садись.

— Зачем?

Он взглядом указал на её ноги:

— Разувайся. Идти к дому с такой грязью на подошвах будет тяжело.

Эльга покорно села. Сил возражать больше не осталось. Хранитель нагнулся, спокойно, уверенно и ловко снял с неё кроссовки, будто всю жизнь только и делал, что разувал дам. Это было слегка забавно.

— Пережившим галантный век — вторая жизнь в подарок, — вяло съязвила Эльга. — С такими манерами ты в этом мире был бы популярен.

— Я был, — как всегда кратко подтвердил хранитель и бесшумно шагнул куда-то в журчащую темноту под мостом.

Вернулся он минут через пять с относительно чистыми кроссовками и в отмытых от грязи берцах. Также невозмутимо присел к ногам Эльги, надел на неё обувь, завязал шнурки, поднялся и снова подставил ей для опоры свою руку.

— Идём.

— Я сама дойду, — возразила Эльга.

— Пакеты тяжёлые, — терпеливо пояснил хранитель и примирительно добавил: — Прошу, прими от меня хотя бы эту мелкую помощь.

— Хорошо, — смирилась Эльга.

В конце концов, с чего она так вспылила там, на холме? Теперь от вспышки остались только головная боль, раздра-

жение и недовольство собой. Дойти бы скорее, остаться одной, лечь, наконец, закрыть глаза... И забыть этот вечер, и весь этот день. И половину жизни заодно. Провалиться в долгий сон без сновидений.

Оставшийся путь они прошли молча. У ворот Эльга нащарила в кармане ключи от калитки. На дорожке к дому, уже припорошённой снегом, вилась цепочка свежих кошачьих следов: брошенные уехавшими в город хозяевами питомцы искали пропитание у оставшихся на зиму редких жителей посёлка. Хранитель поставил пакеты на крыльцо и отступил на шаг в сторону.

Эльга, тяжело опираясь на перила, поднялась по ступеням и обернулась.

— Мы в расчёте, — небрежно бросила она стоящему внизу хранителю.

Он шумно выдохнул и покачал опущенной головой. Потом вдруг резко вскинул глаза на Эльгу.

— Прими мои извинения, — с каменным лицом, медленно и церемонно произнёс он. — Мне жаль, что я выбрал неверный способ для проявления своей благодарности. Ты вправе осудить меня за форму выражения признательности. Но прими её по сути, в подлинном размере. Не бросай мне в лицо пренебрежительно мелкий счёт, как сдачу или чаевые. Я ничем не заслужил такого оскорбления.

Хранитель поклонился, резко развернулся и зашагал прочь. Калитка с автоматическим замком, лязгнув, защёлк-

нулась за его спиной. Только следы тяжёлых ботинок перекрыли мелкую цепочку кошачьих лапок на свежем, чистом снегу.

Эльга словно в забытьи всё ещё шарила в карманах, пытаясь нащупать ключи от дома, но те никак не желали находиться. Пальцы дрожали и путались, она нервно выдернула руку из кармана и в последнем усилии вцепилась в покрытые ледяной корочкой перила. Вот не мог же просто уйти! Брошенный в лицо упрёк был справедлив, как высший суд, и резок, как удар хлыста. Последняя капля пробила твердокаменную защиту. Мир зашатался и стал неумолимо опрокидываться куда-то в пропасть. Уже не в силах его удержать, Эльга хватала ртом холодный воздух, но рыдания всё равно выжигали изнутри путь наверх, как лава в жерле вулкана, плавил стыдом раскаянья остатки самообладания.

На крыльце пустого дома обессиленная ведьма с отвратительным характером медленно оседала в спасительный, глубокий, как смерть, обморок.

Глава 2. Издержки плохого характера

Осталось мне лишь сокрушаться — и, быть может, уже в одиночестве, ибо свидетели тех событий давно покинули сей бранный мир, — оплакивать невозвратную утрату, коей я оказался не в силах воспрепятствовать и что тяжким бременем вот уж тридцать с лишним лет лежит на совести моей. И хотя я тешу себя мыслью, что не было и тени злого умысла в поступках моих, но одна лишь ошибка в обстоятельствах суровых. Одна ошибка, которою моральный долг не позволяет мне счесть малой, что привела к трагическим последствиям и прервала в самом расцвете жизнь поистине достойного отпрыска знатного рода, чья доля могла бы стать счастливою. Утешает ли меня то, что юный Лоренцо Строцци стал последней жертвой злодея в череде тех несчастных, чьи судьбы, жизни и смерти прошли перед моими глазами? Отнюдь! Но я спокоен чувством исполненного долга и, пребывая в глубоком умиротворении, свидетельствую, что приложил все усилия, чтобы злодей и душегуб понёс, наконец, заслуженную кару и был ввергнут в вечное заточение.

«Тайные записки декана собора Святой Барбары округа Литультоф»

Хранитель успел отойти от калитки уже шагов на тридцать, когда взрывная волна от случившегося долетела до него и ударила в спину. Новое чужое тело подчинилось приказу мгновенно, будто всегда принадлежало только ему. Он преодолел обратное расстояние за пару секунд, на бегу сообразив, что захлопнувшуюся на замок калитку ему не преодолеть, и с разбега перемахнул через высокий забор.

Уже потерявшую сознание Эльгу хранитель подхватил в последний момент. Ключи от дома валялись рядом с рассыпавшимися продуктами. Он распахнул дверь, внёс её в дом и, после секундного промедления, уложил в огромное кресло в гостиной. Потом быстро огляделся, в одно мгновение оценив имеющиеся возможности, принял решение: аккуратно, но решительно освободил безвольную, словно тряпичную куклу, Эльгу от пальто и мокрых кроссовок, сдёрнул с дивана плед и укутал её.

В гостиной был камин, но его, очевидно, не разжигали очень давно. В глубине двора хранитель заметил поленницу. Дрова оказались старыми, сухими. Топор предусмотрительно висел на гвоздике рядом, но был покрыт толстым слоем ржавчины. Ловко и быстро хранитель расколол несколько поленьев, вернулся в дом и сложил их в очаге в пирамиду, проверил заслонки. Решительно распахнул ящики хозяйской кухни в поисках источника огня. Нашёл спички, зажигалку, несколько свечей, выгреб из аптечных коробочек мелкие пакетики разных трав.

Он готовил ритуал сосредоточенно и умело.

Дрова в очаге, слегка подымив, начали разгораться. Хранитель придвинул Эльгу поближе к камину и принялся зажигать найденные свечи, геометрически точно расставляя их по углам силового пентакля, в центре которого теперь располагалось кресло.

Только после этого он смог, наконец, спокойно рассмотреть хозяйку дома. Немолодая, когда-то красивая женщина с тонким, нервным лицом. Вьющиеся тёмные волосы с серебряными нитями первой седины, безжалостно обрезанные так, что не доставали даже до плеч. Странная причёска для ведьмы. Одарённые, как правило, с детства приучены волосы беречь. Да и вся она какая-то странная.

Обычно ведьмы стараются выглядеть моложе своих лет, благо для этого есть все возможности. Даже слабая ведьма вполне способна обеспечить себе если не вечное буйство весны, то, как минимум, долгое цветение зрелого лета. Там, на мосту, он выбрал эту ведьму потому, что почувствовал в ней сильный дар, но по внешнему виду о её одарённости ни за что не догадаешься. На вид ей было лет сорок, хотя, возможно, она была значительно старше, и этим как раз и объяснялось её пренебрежительное высокомерие к хранителю, случайно попавшему в молодое тело.

Но никакой возраст не мог объяснить ту крайнюю степень магического истощения, от которого потомственная ведьма, обладающая сильным даром, рухнула без сознания на крыль-

це собственного дома. Тем более нынешней ночью, когда достаточно было лишь руку протянуть, чтобы уловить силу, несущуюся мимо в воронку круга на холме. Для ведьмы это странное решение: всё равно как добровольный отказ умирающего от глотка воды в пустыне.

Хранитель же собирался использовать эту силу. Другого способа сейчас всё равно не было. Его новое, случайно доставшееся тело — тело неударённого — быстро и в полной мере освоить магический дар хранителя было пока неспособно. Одно дело — махнуть в нём через забор усилием мышц, и совершенно другое — совершить ритуал силой воли, которой новая оболочка подчиняется ещё неохотно.

Сила, подобно воде, должна послушно струиться по позвоночнику, свободно течь по рукам, скапливаться на кончиках пальцев и, срываясь с них, легко сплетаться в паутину мелких заклинаний, закручиваться в клубочки заговоров, пеленой расплескиваться от ладоней, но всегда подчиняться слову, мысли, приказу. А тело неудавшегося самоубийцы, перешедшее в его владение, скорее напоминало бутылку, заткнутую плохой пробкой, через которую что-то если и просачивалось, то по капле, слишком скудно и медленно, чтобы быстро помочь обессиленной ведьме. Но придётся обходиться тем, что есть.

Пакетики с сухими травами были сплошь покупными, а травы — неместными. Эта ведьма упорно пренебрегала всем, чем только могла пренебречь! Травы, собранные соб-

ственноручно, а ещё лучше — выращенные своими руками, — это крепкая связь одарённого с землёй, с её энергией, самой сильной из всех. Лучшее средство для быстрого восстановления сил. А неизвестной природы труха в пакетиках — вещь для ведьмы бесполезная, если не сказать вредная.

Что там растёт у неё на участке? Он вышел в темноту сада и вернулся с пожухлыми, скукоженными от раннего заморозка листьями смородины, яблони, груши. На старых, запущенных смородиновых кустах до сих пор кое-где висели засохшие ягоды. Хозяйка сада к сельскому хозяйству, очевидно, не тяготела. Какой же у неё дар, что даже птицы облетают её дом стороной и не желают клевать её ягоды?

Зато в центре сада хранитель почуял воду. Чистую, колодезную воду из глубины древних пластов — голубую кровь подземного мира. Колодцем тоже не пользовались очень давно, но цепь и ведро оказались на месте, а ворот — в рабочем состоянии. Хранитель набрал воды и пошёл с ней в дом.

Камин в гостиной, вероятно, выполнял декоративную функцию — для отопления небольшого, но всё же двухэтажного дома он был определённо маловат. Спасибо, что не дымил и жар вблизи всё же давал. Хранитель осторожно, двумя пальцами потрогал кончик носа ведьмы. Тёплый. Значит, согрелась.

Медный кофейник, до сих пор служивший украшением интерьера, пришлось поставить прямо на угли — никаких крюков или решётки над очагом не было и в помине. Про-

мытые листья и сухие ягоды хранитель залил чистой колодезной водой. Его пальцы медленно и осторожно плели над кофейником заклинание возрождения. И вода, и листья растений, выросших рядом с домом, откликнулись на магию легко и послушно.

Свечи в блюдах по углам пентакля уже почти прогорели, когда Эльга, согревшись, вынырнула из своего забытья. Сквозь опущенные веки гостиная в сумеречном свете казалась непривычно уютной, на её стенах и потолке колыхались и плясали причудливые тени. В доме вкусно пахло древесным дымом. Эльге казалось, что тёплый ветер обдувает её со всех сторон, колышет ею, как тонким листом бумаги, и только тяжёлый плед надёжно придавливает её к мягкому креслу, не давая взлететь, как невесомой пушинке.

Она рассчитывала очнуться в тишине, но по дому, как ни странно, разносилось довольно много звуков: что-то слева от неё потрескивало и булькало, на кухне — позвякивало и шкворчало, а главное — по скрипучему, чувствительному в каждой досочке старому паркету кто-то ходил.

«Если меня грабят, — вяло думала Эльга, лёжа с закрытыми глазами, — то лучше, наверное, остаться в обмороке. Пусть берут, что хотят, и убираются к чёрту. Но если, судя по дыму, ещё и поджигают, то лучше, должно быть, всё-таки очнуться». Она принюхалась. К горьковатому запаху горячей древесины явственно примешивался неожиданный аромат. Лёгкое благоухание смородинового компота смешива-

лось с густым, сочным духом жареного мяса. Как у всякой истинной ведьмы, нос Эльги был чуток к любым оттенкам вдыхаемого воздуха. Если грабители решили, что она умерла, и собрались тут поселиться и поужинать, то ей придётся их разочаровать.

— Я знаю, что ты проснулась, — донёсся до неё из кухни уже знакомый голос. — Пожалуйста, не вставай ещё минут пятнадцать. Пожалей мои усилия, дай пентаклю завершить свою работу.

Предложение не вставать показалось Эльге очень соблазнительным. Она легко согласилась бы полежать так ещё пару-тройку суток — до понедельника, как минимум. Эльга осторожно перевернулась на бок, слегка удивилась огню в камине и, свернувшись в кресле клубочком, решила заснуть. Дом не горит, мир не рушится, а всё остальное может подождать.

Но провалиться в сон никак не удавалось. Теперь Эльга чутко прислушивалась к доносившимся звукам, вдыхала такие необычные для её жилища запахи. Так пахло в этом доме очень давно, когда ещё были живы родители. Этот дом не был домом её детства. Она была городским ребёнком, выросшим в тесноте квартир и кварталов мегаполиса. Родителей потянуло к земле лишь на пенсии. Они с удовольствием оставили юной студентке городские удобства, а сами перебрались подальше за город. Студентка приезжала из душной столицы на выходные — откармливаться и отсыпаться, есть

пирог и пить компоты, спать до полудня. Весной привозила матери семена, осенью отбивалась от урожая. Запахи будили старые воспоминания и, как ни странно, успокаивали...

Внезапно Эльга почувствовала, как её осторожно приподнимают, приводя в сидячее положение. Она смотрела на парня, придерживавшего её за плечи, не в силах ни удивляться, ни сопротивляться. Даже сфокусировать взгляд было пока сложновато: мир слегка качался и уплывал в сторону, а новоявленный целитель, к тому же, постоянно двигался.

Хранитель подложил ей за спину подушку, чтобы она могла опереться, потом умело извлёк из очага почерневший кофейник, налил из него в чашку мутного кипящего отвара, в котором плавали тёмные бусинки мелких ягод и обрывки

листьев, и сунул Эльге под нос.

— Не обожгись, но пей горячим, — скомандовал он.

— Это обязательно? — сморщив нос, уточнила Эльга.

— Заставить не могу, — ответил он. — Но я старался.

Вместе с паром от чашки поднималась лёгкая волна чужой магии. Отказываться было невежливо. Эльга и так нагубила хранителью сверх всякой меры, и лишь обморок избавил её от необходимости извиняться за неумение достойно принимать человеческую благодарность. И за неспособность терпеливо, по просьбе, оказывать помощь, если уж решилась-таки помогать. Не злиться, не комментировать неудачи, не упрекать. Хранитель же позаботился о ней безо всяких просьб, просто потому, что не смог, видимо, оставить обессиленную, злую грубиянку, обладающую даром, а значит, «свою», в обмороке на пороге дома.

Варево, как и её запоздалое раскаяние, было горьким, ягоды не могли его подсластить. Но от первого же глотка в груди стало тепло, будто от крепкого алкоголя, и мир, наконец, перестал качаться.

Хранитель внимательно наблюдал за Эльгой. Она благодарно кивнула и отхлебнула из кружки второй раз.

— Как можно было довести себя до такого состояния? — укоризненно, но корректно спросил он. — Ты же ведьма!

Таким тоном ей в детстве говорили: «Ты же девочка!» Впрочем, в детстве на такие упреки она тоже не реагировала.

Но затем сам и оправдал её:

— Наверняка есть весомые причины, по которым у тебя на доме нет даже лёгкой силовой воронки. Если тебе что-то угрожает, и ты так скрываешься, не проявляя и не используя силу, скажи об этом. Круг обеспечит твою защиту и безопасность.

Эльга отрицательно покачала головой.

— Я поставил воронку только на пентакль, — сообщил он. — Она слабая, за пределы дома не выходит, но на первое время этого хватит. Прости, мне пришлось учинить самоуправство в твоём доме, но другого выхода не было. Свечи, дрова, кофейник...

Он что, собирается перечислять всё, что использовал?

— И ещё, — добавил он в конце списка, — тебе необходимо поесть.

От выпитого на пустой желудок горького напитка слегка мутило, и думать о еде не хотелось. Но ей пришла в голову мысль, что хранитель в его новом теле сам может быть голоден.

— Хорошо, — послушно согласилась она.

Хранитель смотрел на неё пристально и внимательно. Она опять почувствовала этот прямой, твёрдо упирающийся ей в переносицу взгляд, совершенно не вязавшийся с лицом, от которого он исходил. Как будто к этому лицу были приделаны чужие глаза, и сквозь них из тёмной глубины смотрело на Эльгу что-то неизвестное, непонятное, но заинтересованное и потому пугающее. Если это эффект от *mutatio corporum*,

то, пожалуй, Эльге было спокойнее там, на холме, когда она имела дело лишь с тенью хранителя, не способного до завтрашнего полнолуния войти в этот мир в своём истинном, полном телесном облиции.

— Встать сможешь? — заботливо спросил он, и навежде-ние взгляда пропало.

— Пациентка попробует, — с улыбкой пообещала Эльга, пытаясь самоиронией прикрыть беспокойство.

Он забрал у неё чашку, выплеснул остатки жидкости в огонь. Угли, вместо того чтобы зашипеть и погаснуть, наоборот, вспыхнули ярче, как будто на них брызнули бензином. Видимо, хранитель был очень умелым заклинателем, если даже в чужом теле смог сплести сильный заговор на воде. Ноги Эльги уже не были ватными, руки не дрожали, а в груди было так же жарко, как от углей в камине.

Эльга немного постояла рядом с креслом, проверяя неизбежность пространства, после чего позволила довести себя до кухни. Хранитель аккуратно прислонил её к стене, услужливо отодвинул стул у накрытого стола, предлагая сесть.

Она с облегчением сползла по спинке стула вниз.

На столе стояла тарелка с куском жареного мяса, лежали вилка и нож. Стол почему-то был сервирован на одного. Эльга удивлённо подняла глаза на хранителя.

— А ты? — она кивнула на место напротив себя. — Ты разве не будешь есть?

Но он остался стоять, не сделав к столу ни шагу.

— Моё присутствие в твоём доме, — хранитель задумался на секунду, подбирая слова, — пока что можно назвать скорее вынужденным вторжением.

И снова бросил на неё прямой, буравящий взгляд, под которым Эльге пришлось опустить глаза.

— Прости, хорошие манеры у меня заканчиваются уже ко вторнику, — призналась она. — К пятнице от них даже следа не остаётся, — и добавила уже серьёзно: — Будь моим гостем. Раздели со мной ужин.

Официальное приглашение прозвучало, и лишь после него хранитель, наконец, сел.

Только сейчас Эльга почувствовала, что страшно голодна. Посторонний за столом напротив смутил её, нарушая привычный быт. Она всегда ужинала в одиночестве, но от тарелки шёл такой запах, за который стоило быть благодарной тому, кто это приготовил.

Хранитель прикоснулся к ножу не раньше, чем хозяйка дома отправила первый кусок мяса в рот.

— В своём мире ты, наверное, великий кулинар? — с искренним восхищением заметила она.

— Нет. Но мясо сложно испортить, — скромно пояснил он.

— В половине наших ресторанов с этим успешно справляются.

— У тебя есть вино? — неожиданно поинтересовался он.

— Есть, конечно, — Эльга, забыв про головокружение, с готовностью потянулась к кухонному ящику, приспособленному под бар, где плотными рядами стояли подарки от благодарных клиентов. — Прости, что забыла предложить. Что ты предпочитаешь? Красное сухое? Портвейн? Виски? Коньяк?

Хранитель покачал головой:

— Мне не стоит пить. Но тебе будет полезно немного красного. Лучше местного.

— Ты говоришь, как врач, — усмехнулась Эльга, передавая ему бутылку, и достала два фужера.

Он налил ей на треть, себе — ещё меньше. И снова поразил её тем, что поднялся.

— Здоровье хозяйки дома, — стоя, провозгласил он.

Эльга не смогла сдержать улыбки.

— У меня такое ощущение, что я провалилась во времени в прошлое столетие. Мне нужно произнести ответный тост?

— Если хочешь, — кивнул хранитель.

— Можно, сидя?

— Конечно. Ты же дама.

— Ну что ж, хранитель, я рада знакомству с тобой.

Эльга подняла бокал, собираясь выпить.

— Для знакомства нужно назвать друг другу свои имена, — заметил он.

Что ж, резонно... Бокал Эльги остановился на полпути.

— Это моё упущение, — продолжал хранитель. — Про-

сти и позволь представиться. Меня зовут Гораций Лоринц Доменик Доллах. — Он на секунду замолчал и, вероятно, сочтя количество имён недостаточным для первого впечатления, уточнил: — Барон фон Доллах. Я шестнадцатый хранитель своего круга.

Это было серьёзное заявление. Эльга опустила голову, пряча улыбку. На её деревенской кухне, в заношенном свитере с затяжками и вымазанных осенней грязью затёртых джинсах, в чужом теле какого-то неудачливого суицидника, после ритуала *mutatio corporum* перед ней, с достоинством расправив плечи, возвышалась аристократичная дворянская персона со сложно произносимыми первым, вторым, да ещё и третьим именами, не считая фамилии и титула.

— Очень приятно, — сдержав смех, призналась Эльга. — Постараюсь запомнить.

Хранитель, несомненно, уловил иронию, слегка улыбнулся, но обострять ситуацию не стал.

— Ты не назовёшь мне своё имя? — снова абсолютно серьёзно спросил он.

— Эльга Моригл, — ответила она.

— Мориор¹⁰? — переспросил он, как будто фамилия ему не понравилась.

— Моригл, — повторила Эльга и, не удержавшись, пошутила: — Что, слишком короткое? Ну извини, ничего длиннее у меня нет.

¹⁰ *Morigor* (лат.) — умирать.

Хранитель понимающе улыбнулся её шутке.

— Можешь называть меня кратким именем, — предложил он компромиссное решение.

— Это каким же? — уточнила Эльга. Вино и лёгкий шуточный тон разговора отвлекали её от беспокойных мыслей, и она продолжила: — Разве в таком имени можно что-то сократить без ущерба для родословной?

— Гор, — коротко ответил он.

— Всего три буквы? — наигранно удивилась она. — Надеюсь, это не слишком большая жертва для первого знакомства?

— Не слишком, — согласился хранитель.

Эльге понемногу становилось легче. В отличие от глубоко посаженных, тёмных и чужих глаз, улыбка на лице её потустороннего гостя выглядела вполне нормально, по-человечески.

— Не будет ли нескромным спросить о том, кто ты? — светский тон в её голосе звучал фальшиво, но она очень старалась проявить любезность. — Я никогда не имела дел с выходцами из потустороннего мира.

— Не будет, — подтвердил он. — Хотя я и не могу считаться настоящим выходцем из Иммортеи.

— Иммортея... Это название твоего мира?

— Скорее описание. Я могу назвать полсотни вариантов на разных языках, но точности в них так же мало: земля мо-

лодых, земля серебра. «Immortalis¹¹» — не самое плохое.

— А почему не можешь считаться выходцем из неё?

— Я родился в этом мире. Кстати, недалеко отсюда. В Доллахваре.

— Доллахвар? — недоверчиво переспросила Эльга. — То есть твоя фамилия образовалась от названия деревни?

Собеседник вежливо улыбнулся, прежде чем возразить:

— Наоборот. Это место получило название по имени моего рода.

— И сколько же тебе лет?

Он с сомнением посмотрел куда-то вверх.

— На этот вопрос сложно ответить, — уклончиво обронил он.

— У вас что, математики нет?

— Математика есть. Но в наших мирах время течёт поразному. Если я скажу, что я родился в 1469 году от Рождества Христова и математически мне полтысячи лет, это будет не совсем правдой. Я прожил много, но всё-таки там я прожил несколько другое время.

— Какое? — упорно допытывалась Эльга.

— Думаю, лет около ста двадцати, — терпеливо пояснил он. — Но тебе это ни о чём не скажет. Ты не знаешь, как там течёт время. Тем более как оно исчисляется там, где его никто не считает.

Эльга непроизвольно вскинула глаза на циферблат часов,

¹¹ Immortalis (лат.) — бессмертный.

висевших на стене кухни. Оказывается, уже далеко за полночь. То ли от выпитого отвара, то ли от пережитого стресса, но спать ей теперь совершенно не хотелось. Даже самопредсказанная простуда пока себя никак не проявляла.

Её гость тоже посмотрел на часы и, вероятно, понял её неправильно, потому что решительно поднялся.

— Спасибо за прекрасный ужин и гостеприимство этого дома, — серьёзно поблагодарил он. — Мне пора.

— Куда? — бесцеремонно поинтересовалась Эльга и, вздохнув от необходимости оправдываться, пояснила: — Я посмотрела на часы непроизвольно, потому что мы говорили о времени. Я не пыталась намекнуть, что тебе нужно уходить.

— Дело не только в этом. Мне действительно необходимо покинуть твой дом. Я не хочу злоупотреблять твоим великодушным гостеприимством. Поэтому должен успеть уйти, пока не стал беспокойным и нежеланным гостем.

— Пока я этого не заметила, — слегка нахмурившись, возразила Эльга.

— Я тоже заметил не сразу, — ответил он.

И оттянул до локтя левый рукав чёрного свитера. Эльга физически ощутила, как бледнеет.

Хранитель кивнул.

— Это — тело наркомана со стажем, — подтвердил он. — И, судя по цвету синяков, дозу он получил несколько дней назад. Этим и объясняется его неадекватное состояние

в круге. Меня спасает сейчас то, что его тело я пока не чувствую в полной мере. Силу оно пропускает очень слабо. Но это может кончиться в любой момент, и это я, к сожалению, контролировать не могу.

— И что ты намерен делать? — встревоженно спросила Эльга.

— Завтра, перед самым закатом, до закрытия врат, я расторгну договор и потребую обратного обмена телами. После этого прошу тебя, — он сделал акцент на слове «прошу», — вызови этому телу скорую.

— Хорошо, — Эльга кивнула. — Вызову. Но что ты будешь делать, если тебе станет плохо до этого?

— Я буду находиться рядом с кругом, не заступая за границу.

— Целые сутки? — скептически поинтересовалась она. — Ты и сейчас рядом с кругом. Здесь до холма пятнадцать минут ходьбы.

Хранитель решительно покачал головой.

— Нет. Я знаю, как может выглядеть тело наркомана в ломке. Это не стоит никому видеть. По крайней мере, я бы очень не хотел. Моё самолюбие этого не выдержит. Мне нужно продержаться всего сутки.

— Вот именно — продержаться! — Эльга указала на темноту в окне. — Там ночь. По прогнозу ожидается северный ветер, снег, резкое похолодание. Уже, наверное, минусовая температура. Ты можешь потерять сознание, можешь ока-

заться не в состоянии двигаться, замёрзнуть, умереть. И твоя Иммортея тебя не дождётся.

— Я постараюсь этого избежать.

— Уверен, что стараний окажется достаточно?

— Сутки я выдержу. Разведу костёр.

— В чистом перепаханном поле? — уточнила Эльга. — Может, тебе дров с собой дать? Я смотрю, ты упорно хочешь довести до конца то, что не доделал этот суицидник. Если это тело умрёт, разве обратный обмен будет возможен?

— Нет, — неохотно согласился он. — По условиям договора я обязан вернуть тело живым, в том же состоянии, в каком получил.

Эльга демонстративно развела руками, словно приглашая полюбоваться сложившимися обстоятельствами.

— Нет, — уже менее категорично повторил он. — У меня ещё сутки. Я могу что-то исправить.

— Найти дозу, — с готовностью подсказала Эльга, — ночью. В деревне.

— Найти больницу, — возразил он.

— Отличная мысль, — оптимистично поддержала она. — Больницу. В пятницу вечером. Пешком. Ну, тут километров сорок до ближайшей. Даже если дойдёшь, предсказываю, что, судя по состоянию этого тела, тебя упекут больше чем на сутки.

Хранитель наконец замолчал. Эльга подождала, не появится ли у него новых идей, и только потом констатировала:

— Для человека, которому полтысячи лет, планирование выглядит каким-то ребяческим.

Неожиданно он улыбнулся:

— Я стараюсь привыкнуть к манере твоих речей, ведьма Эльга Моригл. Я уже понимаю, что ты не хочешь меня оскорбить или обидеть. Ты так пытаешься меня отговорить. Или помочь.

— Второе, — подтвердила она и в отместку добавила: — Я тоже стараюсь привыкнуть к манере твоих речей, Гораций Лоринц Доменик Доллах. Барон фон Доллах, если точнее. Смотри-ка, запомнила! Наверное, уже понимаю, что в их церемонности нет высокомерия.

Шутка слегка разрядила обстановку.

Но разрешивший называть себя кратким именем Гор снова с сомнением покачал головой:

— Разве ты имела дело с такими, как он? — и указал на себя. — Не всем в этом теле я могу управлять. Что будет, если оно выйдет из-под контроля? Я пока даже свой дар едва могу в нём использовать — на адаптацию всегда нужно время.

— Но я-то могу! — возразила Эльга. — От алкоголя мне доводилось людей заговаривать. Наверняка справлюсь и с этим.

— Справишься, — подтвердил он. — Но не так быстро, как с алкоголем. Обещаю: после полнолуния я вернусь и помогу. Но завтра на закате я должен быть в кругу, чтобы

успеть расторгнуть сделку.

— Завтра будешь, — согласилась она. — Но сегодня тебе определённо лучше переночевать в тепле и не в одиночестве.

Эльга решительно поднялась — ноги уже были вполне твёрдыми — и вышла в гостиную. Хорошо, что она не видела, как от её последних слов Гораций Лоринц Доменик Доллах не выдержал и всё-таки слегка покраснел.

Комната родителей была смежной с гостиной. Эльга решительно распахнула дверь.

— Входи.

Она стянула с кровати и шкафа пыльные чехлы и, скомкав, бросила в угол комнаты.

— Здесь пыльно, — извинилась она перед гостем. — Я сюда практически не захожу. Но бельё на кровати чистое.

Она обернулась и с ног до головы оглядела аристократичную особу, застывшую на пороге. Под её взглядом гость тоже виновато осмотрел свою грязную одежду. Потом Эльга вспомнила, что и на ней по-прежнему надеты испачканные грязью джинсы.

— Да, нам определённо нужна стирка, — согласилась она. — Кстати, барон!

— Гор, — поправил он.

— Ладно, Гор. Хотела спросить, учитывая твой возраст: ты душем пользоваться умеешь?

Он снова вежливо улыбнулся.

— Я же как-то справился с твоей плитой без огня и светом

без свечей, — заметил он и, помолчав, добавил: — Гость не должен жалеть об излишней откровенности в доме друга. Я назвал тебе дату своего появления на свет. Из-за неё ты считаешь меня пришельцем из прошлого. Это не так. Я часто путешествовал по этому миру и неплохо его знаю.

— Путешествовал в чужом теле? — с интересом переспросила Эльга.

— Иногда, — кратко подтвердил он.

Эльга раскрыла дверцы шкафа, где аккуратными стопками была разложена нетронутая одежда: слева — мужская, справа — женская. Всё, как было когда-то. Она тряхнула головой, отгоняя непрошенные воспоминания.

Вот где нужно было искать местные травы: в маленьких сетчатых пакетиках, которыми была переложена одежда и постельное бельё, ещё сохраняли запах собранные на участке мята и мелисса.

— Одежда, конечно, старомодная, — сообщила Эльга. — Но зато чистая. Выбери всё, что хочешь.

Она открыла ящик комода.

— Вот, — Эльга вытащила два новых свитера. — Я подарила отцу, но он не носил. Примерь любой. Отец, конечно, был пониже ростом, но я не рассчитала, и они оказались ему велики.

Гор снова посмотрел на неё строго и внимательно.

— Что? — не выдержала Эльга.

— Для тебя эта комната много значит, — веско сообщил

он.

— Когда-нибудь её надо было открыть, — как можно спокойнее пожалала плечами она. — Шесть лет прошло. Не бери в голову.

— Я в большом долгу... — начал было Гор.

— Только не начинай! — воскликнула Эльга, драматично прикрывая рукой глаза.

От неожиданности он замолчал.

— Только не начинай заново, — повторила она. — Я больше не в состоянии подсчитывать, кто кому должен, рассыпаться в благодарностях и бесконечно принимать их. Предупреждаю: у меня отвратительный характер и дурной язык. Расставим все точки над «i»! Это не потому, что я хочу обидеть персонально тебя или нагрубить именно тебе. Это потому, что я сама такая. Ты тут вообще ни при чём. Можно я останусь такой, какой привыкла быть? Меня бесконечно раздражает необходимость соблюдать твой антикварный этикет и фильтровать каждое слово через три сита, прежде чем открыть рот. Если я решу тебя обидеть, я тебе откровенно об этом скажу. Если я захочу воспользоваться твоими услугами, я тебе прямо напомню о твоём долге. Если я собираюсь тебе что-то подарить, то так и говорю: «Бери свитер!»

Гор очень серьёзно кивнул, останавливая поток её деклараций.

Эльга решительно сунула ему в руки полотенце.

— Ванна — там, — указала она. — В шкафчике даже

бритвенный прибор есть. Я сплю на втором этаже. Но чутко. Будет плохо — зови.

И хозяйка дома решительно удалилась в свои покои по скрипучей деревянной лестнице.

Глава 3. Опоздавших время не ждёт

В утешение себя и в облегчение трепета, который чувствует любой человек, какие бы заслуги он за собой ни помнил, готовясь предстать перед лицом Всевышнего, скажу, что большая часть деяний моих была внушена мне стремлением ко благу, что снискали они одобрение многих почтенных и достойных сограждан, и уповаю, что по кончине моей не будут деяния сии преданы суду и осуждению.

«Тайные записки декана собора Святой Барбары округа Литультоф»

Если ведьма хочет нажить себе неприятностей — неприятности ей в этом никогда не откажут: и разбудят лучше самого точного будильника, и взбодрят лучше самого крепкого кофе.

— Чёрт! — выругалась Эльга, сквозь нервный сон учувяв приближение чужой смерти. — Вот же чёрт его побери! Просила же разбудить заранее!

Она гневно бормотала в поисках задвинутых под кровать тапочек, а потом, отчаявшись их найти, вскочила с кровати и в темноте босиком поскакала по лестнице вниз, как в детстве — перепрыгивая через две ступеньки. Испуганные мысли неслись ещё быстрее. Прежде чем Эльга влетела в ком-

нату гостя, она успела в красках представить себе, что будет, если тело неудавшегося самоубийцы упокоится с миром именно в её доме. Как придётся вызывать скорую и полицию? Что придётся говорить? Как объяснять наличие у себя в доме свежего трупа, даже имени которого она не знает?

Злополучное тело обнаружилось на полу у кровати. Перед приступом его новый владелец, очевидно, занимался самолечением. В свете почти полной луны на паркете спальни отливала серебром контуры печати исцеления, нарисованной пальцем по тонкому слою пыли. Но печать сложно удерживать, когда от боли не можешь удержать даже собственное сознание. И печать была настолько слаба, что не защитила бы от смерти даже моль.

— Уходи! — с хриплым стоном раздалось с пола. — Прощу, уходи!

— Гордецам место в аду, — рывкнула Эльга, рывком приводя гостя в сидячее положение.

Она всегда считала себя стрессоустойчивой и способной спокойно действовать в любой внештатной ситуации, когда другие вокруг теряют голову. Голову Эльга, конечно, не потеряла, хотя бы уже потому, что не стала тратить силы на бесполезную злость. Неразумно в сердцах отвешивать оплеуху человеку, которого собираешься спасти. Ему и без этого уже хватает новых впечатлений: тахикардии в сочетании с гипертонией в активной фазе ломки.

— Не смотри! — выдохнул Гор, зажимая себе рот в по-

пытке предотвратить приступ рвоты. — Пожалуйста, не надо, это отвратительно!

Его снова скрутило от боли, он закашлялся.

— Потом полюбуюсь, — пообещала Эльга, приподнимая бессильно запрокинутую назад чужую голову.

Пальцы её правой руки стремительно плели заклинание, левой приходилось удерживать пациента, которого сотрясали судороги. Игла заговора разгоралась на указательном пальце. Главное теперь — не промахнуться и точно всадить её в центр лба между бровями.

Эльга никогда бы не призналась в приступе паники, но заговор вышел излишне мощным и начисто вырубил обоих: и тело, измученное абстинентным синдромом, и его нового хозяина, адаптировавшегося наконец к своей новой оболочке. И это был, пожалуй, самый лучший выход. Измученное тело дёрнулось, как от удара током, и обмякло.

«Последний сон короля Артура», — мысленно связвила Эльга, нервно обозревая полученный результат. В молодости её не обошла нежная любовь к прерафаэлитам¹² и их последователям. От знаменитой картины ситуацию отличало отсутствие красот интерьера и толпы скорбящих дев и рыцарей. «Деве» скорбеть было некогда: у неё под командованием не было ни одного рыцаря, чтобы перетащить пациента с

¹² «Братство прерафаэлитов» — группа английских художников второй половины XIX века. Они стремились возродить «искренность» и «наивную религиозность» искусства до эпохи Рафаэля (отсюда название: *pre-Raphaelites*). Часты избирали исторические и мифологические сюжеты для своих картин.

пола на кровать. Но дева справилась и с этим.

Она всегда быстро училась. Пентакля и свечей по его вершинам сейчас было вполне достаточно, чтобы в ближайшие пару-тройку дней слегка восстановить истощённый организм в магической коме, пока владелец не очнётся. Когда-то Эльга клялась, что никогда больше не скрутит воронку для сбора силы, но старые клятвы, как и опыт от старых ран, были бессмысленны в новых обстоятельствах. Рядом с эпицентром мощного циклона на холме неподалёку, который заворачивал силу всей округи в огромный стремительный смерч, крошечный водоворотик Эльги казался лёгкой рябью на воде, но работал на совесть.

В целом аристократичная особа оказалась беспроблемным пациентом. Выходные прошли тихо. Ночь полнолуния миновала, магический циклон рассеялся, до весны опустошив окрестности. Даже ради короля Артура колесо года притормаживать не собиралось.

Эльга периодически проверяла у спящего частоту пульса, мерила давление, вливала ему в рот заговоренные отвары, предварительно пробуя их сама, меняла прогоревшие свечи в углах пентакля. Под неспешное чтение новой книги Эльга допила бутылку красного вина, доела мясо, покормила окрестных бродячих котов, перестирала и высушила грязную одежду. Кроме распахнутой двери в родительскую комнату, которую она теперь боялась закрыть, чтобы не потерять контроль, в её воскресном быту изменений оказалось не так

уж много.

Вечером она без колебаний написала начальнику краткое послание: «Заболела. Поработаю дома» — и со злорадством выключила звук на телефоне. Телефон долго и упорно вибрировал, но Эльга не сдавалась.

«Недвижимость, — назидательно сообщила она несостоявшемуся собеседнику, — потому так и называется, что никуда не двигается. Ни сегодня, ни завтра, ни в ближайшую неделю. Все ваши квадратные метры и гектары останутся на месте и немного подождут».

Эльга сварила кофе и с наслаждением устроилась с книгой и ноутбуком на самом удобном своём рабочем месте — в собственной гостиной.

Король Артур очнулся в понедельник, когда холодное осеннее солнце неожиданно вспомнило молодость и по-весеннему пригрело. Снег растаял, снова обнажив блёклую траву и пожухлые листья. Эльга как раз пошла в гараж за сумкой с документами, забытой в машине с пятницы. Кто-то из благодарных котов принёс ей на крыльцо дохлую мышь.

— Не возьму, — разуваясь в прихожей, вслух сказала Эльга, имея в виду и кота, и мышь одновременно.

— Возьмёшь, — неожиданно раздался голос у неё за спиной. — Это дело времени.

Эльга чуть не выронила сумку.

— Фу! Испугал! — выдохнула она.

Гор стоял в дверях гостиной, уже одетый в свою старую,

заношенную, но хотя бы чистую одежду, и держал в руках чёрную шинель.

— Какой сегодня день? — требовательно спросил он.

— Понедельник, — неохотно призналась Эльга. — Так что разуйся. Торопиться уже некуда.

Она увидела, как опустились его плечи.

— Извини, — искренне посочувствовала она. — У меня не было выбора. Ты чуть не умер, и я перестаралась с заговором.

— Тебе не за что извиняться, — возразил он. — Раз я жив, ты отлично справилась.

Эльга кивнула, принимая похвалу.

— Но теперь ты на полгода застрял в этом теле, — заметила Эльга. — И в этом мире. Хотя это не самое страшное в жизни.

— Не самое, — с готовностью подтвердил Гор. — Я не первый раз заключаю подобный договор. Правда, стоит признаться, что я впервые заключил его на столь невыгодных для себя условиях. Но сейчас я в несколько затруднительном положении не из-за этого.

Эльга бросила сумку с документами рядом с ноутбуком и собралась идти на кухню, чтобы предложить аристократической особе завтрак. Но Гор продолжал стоять у порога, не делая попыток вернуться в гостиную.

— И в чём же затруднение? — с недоумением поинтересовалась Эльга.

Он посмотрел на шинель в своих руках.

— Я доставил тебе много хлопот в качестве гостя. Но мне кажется крайне невежливым немедленно покидать дом, где тебе спасли жизнь, когда уже не требуется спешить с возвращением. Когда гость без причины слишком торопится уйти, это может быть воспринято как пренебрежение к гостеприимству и нанести незаслуженную обиду хозяину. Поэтому я хочу спросить: могу ли я остаться тут ещё на несколько дней?

Эльга с умилением наблюдала за выражением лица говорящего. Ей впервые доводилось видеть последствия *mutatio corporum*, но она не предполагала, что результат окажется столь забавен. Сложно было удержаться от улыбки при невероятном сочетании галантной речи с потёртыми джинсами и брутальными берцами. Это выглядело столь же нелепо, как если бы из люка современного танка выбрался человек в железных доспехах с копьём наперевес.

— Конечно, — кивнула она, отводя в сторону насмешливый взгляд. — Мог бы и не спрашивать.

Но Гор истолковал её попытку спрятать глаза по-другому.

— Даже если я спрашиваю, а ты соглашаешься, затруднение никуда не исчезает, — серьёзно возразил он.

— Почему? — Эльга удивлённо обернулась.

— Нетрудно заметить, что ты давно и сознательно живёшь одна. Наверняка у тебя на это есть весомые причины. Для тебя и обычный гость — редкость. Ты так боишься нарушить уклад своей жизни, что даже кота приютить не хочешь. Я же

могу показаться тебе гораздо хуже кота.

Гор пытливо заглянул ей в глаза.

Всё-таки взгляд у него был странный — слишком прямой и прямо-таки осязаемый. От него Эльге снова стало не по себе, и *mutatio corporum* перестал казаться забавным экспериментом. Раньше у неё таких затруднений никогда не возникало. Она привыкла доверять своей обострённой интуиции, но сейчас, из-за несоответствия личности и оболочки собеседника, стрелка её внутреннего компаса вертелась как бешеная во всех направлениях, и этот сбой ранее безотказного механизма Эльгу пугал.

Какому бы человеку ранее ни принадлежало это тело, его в этом теле уже определённо не было. Руки, ноги, фигура, лицо — вроде бы всё на месте, и только глаза выдавали это отсутствие — как провал в тёмные недра земли, который из осторожности хочется обойти стороной. На такую глубину зоркость её шестого чувства не распространялась. При этом Эльге упорно казалось, что ответный взгляд из этой бездны видит её насквозь. А учтивые слова — скорее туман, недостаточно хорошо маскирующий пропасть.

— Мне уже кажется, что ты гораздо хуже кота! — неожиданно всплыла она — то ли от страха, то ли от раздражения, что ей приходится чего-то бояться.

Внезапно гость покачнулся, схватившись рукой за стену, и наваждение его взгляда тут же пропало. Эльга моргнула и пришла в себя.

— Так, — решительно заключила она. — Давай-ка ложись в кровать и пожалей теперь мои усилия, чтобы они не пошли насмарку. Я три дня старательно колдовала над этим телом. Раз уж тебе в нём полгода существовать, стоит привести его в порядок. Как ты правильно заметил, я давно и сознательно живу одна. Так что, если ты грохнешься в обморок в прихожей, мне даже на помощь позвать некого, чтобы дотащить тебя до кровати. Прими уж моё гостеприимство таким, какое оно есть. Хозяйка из меня, откровенно говоря, плохая, но с задачей вылечить больного и накормить голодного я как-нибудь справлюсь.

Его улыбка тоже хорошо маскировала бездну: глаза в такие моменты прищуривались, и провал в потустороннее становился не так заметен.

— Ты очень добрая хозяйка, даже если желаешь казаться злой, — Гор предупреждающе выставил руки перед собой, словно хотел остановить её очередную вспышку раздражения. — Я помню, что ты не любишь слов благодарности. Я постараюсь выразить её иначе.

Он щёлкнул пальцами — и в доме неожиданно запахло чем-то горьковато-весенним, знакомым и лёгким. Эльга снова ощутила, как кровь отливает от щёк.

— Сирень, — упавшим голосом безошибочно определила она.

— Да, — подтвердил он и встревоженно спросил: — Что-то не так?

— Нет, — слишком ровно и бесстрастно ответила Эльга.

— Всё нормально.

Когда-нибудь ведь нужно было проверить, сможет ли она спокойно открыть и эту дверь.

Этот запах был связан со счастьем. С очень коротким, щемлящим, отчаянным и молодым счастьем, которого быстро не стало.

Эльга не могла заснуть. Глаза скользили по книге, не читая. Напечатанные мизерным тиражом «Тайные записки декана собора Святой Барбары», расшифрованные и опубликованные местным краеведом, были не настолько драматичны, чтобы заглушить её память. Декан с витиеватыми восторгами описывал убранство собора, который она уже не раз видела воочию. Но мемуары, по крайней мере, не так раздражали, как беллетристика.

«Когда мой покровитель, об имени которого я умолчу, справился, не соглашусь ли я занять должность декана и возглавить приход округа Литультоф и кафедру собора Святой Барбары, я взволновался не на шутку. Он попросил меня обдумать его предложение со всей тщательностью, сопроводив свою просьбу необычайно добрыми словами в мой адрес и упоминанием, что в приходе ему понадобится человек, которому он мог бы всецело довериться, имея в виду мой дар и опыт.»

Испытывая смущение, я заметил, что должность эта, хоть и весьма почётна, но связана с вынужденным

и постоянным нахождением на виду, следствием чего является нужда в постоянной скрытности в делах, кои невозможно доверить взглядам посторонних.

Мой господин рассмеялся в ответ: „Ваше ревностное служение, как явное, так и тайное, даёт мне все основания уповать, что и далее вы справитесь с делами не хуже всех нас. Но признайте, мой дорогой друг, что вам давно уж тесны стены церкви Святого Семейства в вашем родном Доллахваре“».

Несколько часов назад Эльга наскоро приготовила ужин, накормила гостя, сплела для него заговор на колодезную воду, предварительно объяснив, что благодаря насосу вся вода в доме — из колодца. И с первыми сумерками сбежала наверх, пожелав выздоравливающему спокойной ночи.

Спокойной ночи для себя она не ожидала. Бессмысленно пить снотворное или творить заклинание: сон не приходит, когда его ждёшь как избавление. Хуже, если вместо провала в кратковременное небытие придут непрошенные сновидения.

Этот запах! Она могла уничтожить его таким же щелчком пальцев, но это означало лишь признать свою трусость и поражение. И каждый раз, когда силой воли Эльга безжалостно заставляла себя заново, по дням и часам, вспоминать прошлое, наутро после бессонной ночи её мучило страшное искушение сотворить заговор на забвение, устроить себе добровольную амнезию и накрепко всё забыть.

Только он дарил ей сирень. Из всех парней факультета, из

всех знакомых мужского пола, кто хотел произвести на дерзкую красавицу впечатление тепличными розами, привозными лилиями, хрупкими экзотическими орхидеями, Эльга выбрала того, кто наломал для неё охапку душистых фиолетовых гроздей. Она любила сирень. Но не в сирени было ведь дело. Просто из всех смотревших на неё заинтересованных глаз она выбрала те, в которых не было сального вожеления.

Интуиция её никогда не подводила. В отличие от своих сверстниц, Эльга всегда безошибочно определяла движущий парнями мотив, ещё на подходах отсекая тех, кто жаждал тела ради секса и секса ради последующего бахвальства перед приятелями. Она всегда чётко знала, когда её банально хотят купить, когда зовут в компанию, чтобы похвастаться, когда дружат из зависти и когда злословят исподтишка. По молодости она была категоричной и резкой. И только он, далеко не самый красивый и вовсе не богатый, не желающий ни с кем за неё соперничать и соревноваться, изредка смотрел на неё так, как она хотела. Она первая подошла к нему, придумав какой-то незначительный предлог. Она была смелой, ей были глубоко безразличны общепринятые ритуалы ухаживаний.

А потом у них был целый год студенческого счастья, прожитый вместе в квартире, которую к тому моменту уже покинули её родители. И вторая, она же последняя, весна с запахом сирени... Болезнь пришла внезапно, как приходит любое горе. Именно тогда Эльга поняла, что её дар далеко

не всемогуща. Она перечитала немногие уцелевшие бабкины книги и, ничего не найдя, кинулась к наставнице. Да, в те годы у неё была наставница. Но ни поставленная воронка, ни заговоры, ни врачи не помогали. Полгода. Ей посоветовали готовиться к худшему, но Эльга отказывалась сдаваться. Она была похожа на одержимую, она сжимала зубы и до последнего выжимала из себя всё, что могла. Но этого всё равно оказалось мало.

— Зря он связался с ведьмой, — цинично и жёстко сказала ей тогда наставница. — Возможно, ты неправильно закрутила воронку и получила обратный процесс.

— Я не могла! — взвилась Эльга. — Я ставила воронку несколько раз! Правильно!

— Да ладно, — небрежно отмахнулась наставница. — Не оправдывайся. Такое бывает. Все ведьмы сворачивают воронку, как правило, на себя. Ну а мужики, которые попались, мрут потом, как мухи. От любовного истощения.

Эльга не слушала. Ей казалось, она способна сделать что-то ещё, что ей подвластно всё изменить и исправить. Если бы она спохватилась чуть раньше, всё обернулось бы иначе.

— Значит, с приворотом накосячила, — не унималась наставница.

— Я не делала приворот! — прошипела Эльга. — Я знаю, если ведьма любит...

— Ой, рассмешила! — фыркнула наставница. — Ведьма любит! Да я на тебя через пару лет посмотрю! У тебя ещё

таких любовью будет — пруд пруди! Скажи уж честно, тренировалась с приворотом!

Это была их последняя встреча с наставницей.

— Что бы ты там ни натворила, — заметила та, — но я соучастницей быть не хочу. Так что давай, дорогая, дорогу ко мне забудь.

На этом недолгое магическое обучение Эльги закончилось.

Нет, она не умерла, не похоронила себя заживо, не впала в депрессию. Она вообще не терпела мелодраматичных поз с заламыванием рук. Её сильный характер помогал держать спину прямо. Эльга была вполне способна пережить горе и восстановиться. Но с тех пор её не покидало стойкое недоверие к миру. Зрелость пришла к ней внезапно и принесла с собой привычку смотреть на жизнь с сомнением, пожалуй, даже с подозрением. Так водитель, впервые попав в аварию, бывает настолько потрясён новым опытом, что долго не может заставить себя снова сесть за руль, не доверяя ни себе, ни другим, ни дороге. И собственный дар, и исходящая от него сила теперь представлялись Эльге такой машиной, уже однажды побывавшей в аварии, — источником какой-то повышенной опасности, которым без крайней необходимости лучше не пользоваться. Дар оказался не так силён и безопасен, как ей казалось. И если он не мог помочь ей в главном, то использовать его для мелочей казалось просто пошлой трагедией сил. Иногда она всё же применяла свои способности по

назначению, но воронки — основной источник сбора силы — были у неё под запретом. Для мелких заговоров ей вполне хватало собственной энергии, а для крупных... У неё просто не было больше таких желаний, ради которых стоило бы стараться.

Нет, Эльга не стала идеализировать своё прошлое. Она прекрасно понимала, что молодость сама по себе уже достаточно опьяняет, чтобы видеть реальность в розовом свете: и окружающих людей, и настоящее, и будущее. Но подозрительный страх никогда больше не позволял ей быть безоговорочно и беззаботно счастливой, с головой погружаться в свои чувства, сходиться с людьми слишком близко, чтобы потом не вырывать их из себя с кровью. По сравнению с её первым трагическим опытом всё остальное казалось ей легковесным и не заслуживающим особых сожалений. И когда кто-то из её последующих парней при расставании в сердцах бросил ей в лицо: «Да ты даже не расстроишься! Перешагнёшь и забудешь!», она спокойно согласилась: «Да, перешагну и забуду» — и про себя додумала: «И пойду дальше. И определённо не умру. Однажды я уже пробовала, и мне не понравилось».

Эльга раздражённо отбросила бесполезную книгу и закрыла глаза.

«Спи! — приказала она себе. — Два часа ночи!»

Прикосновение чужой магии было очень осторожным, практически незаметным. Будто чья-то прохладная ладонь

коснулась её разгорячённого лба и тут же исчезла — чтобы остаться необнаруженной. Это было ново, но совершенно очевидно: за ней наблюдали! Эльга в гневе отбросила одеяло, но липкий страх вдруг парализовал её тело, готовое вско-чить и кинуться в бой.

Все подозрения внезапно вспыхнули с новой силой. Соринка в глазу — та, что портила общую картину и подсознательно не давала покоя, — превратилась, наконец, в осязаемое бревно.

Речь всегда выдаёт истинные намерения — нужно только уметь слушать и выделять главное. А ведь ей ясно было сказано: «Ты давно и сознательно живёшь одна». И она подтвердила, что ей «некого позвать на помощь». Сама выключила звук на телефоне, сама написала начальству о болезни. У неё нет ни семьи, ни близких друзей, которые могли бы в ближайшие дни, а то и недели, обнаружить её отсутствие в этой жизни. Разве что на работе случится что-то из ряда вон выходящее. Она одна в доме с едва знакомым человеком, который на самом деле и не человек вовсе. Зачем он проверяет, спит ли она? С какой целью?

Страшные бабкины сказки, пугавшие пятилетнюю девочку, вдруг всплыли из глубин детской памяти. Похолодевшими пальцами Эльга спешно плела себе тонкую защитную завесу. Вопросы вспыхивали в голове, как молнии, и она боялась выдать себя.

Зачем он остался в её доме под предлогом вежливого ува-

жения к гостеприимству? Он слаб и болен — это очевидно. Нет, не так! Ему досталось слабое и измождённое тело наркомана, и он этим не очень доволен. Вернуть тело не удалось — и это была вина Эльги. Пусть оно и восстанавливается при лечении достаточно быстро, но всё равно остаётся телом неодарённого, плохо проводящим силу. Потусторонняя магия хранителя в этом теле слаба, её хватает лишь на простые заговоры и мелкие воронки. Но останется ли эта магия и дальше такой слабой? Сейчас Эльга сильнее. Но надолго ли?

И ещё прозвучало: «Я впервые заключил договор на невыгодных для себя условиях». Выгодные — это когда для *mutatio corporum* сразу выбирается тело одарённого, такое, как, например, у неё: отлично приспособленное для использования дара, не требующее долгого времени ни на лечение, ни на овладение в нём силой. А тело наркомана — лишь некачественный материал, который случайно (а случайно ли?) занесло в круг. Спасло ли её то, что заступать в круг она категорически отказалась? Или это лишь временная отсрочка?

Если ей предназначалась роль глупой жертвы, умиротворённой льстивыми речами, то кто-то сильно ошибся. Под защитой завесы Эльга осторожно подкралась к двери спальни, приоткрыла её и заглянула в темноту уходящих вниз ступеней. Лестница скрипит, но это ведь её дом! Можно же сделать так, чтобы не скрипела! Босыми ногами Эльга осторожно нащупывала каждую ступеньку.

Гость не спал. Он стоял спиной к гостиной и смотрел в окно. Никакой магической защиты на нём не было. Он словно провоцировал её, подставляя под удар незащищённую спину.

— Я знаю, что ты за мной наблюдаешь, — не оборачиваясь, тихо заметил он.

Эльга замерла, вцепившись рукой в перила: неожиданного

нападения не вышло. Впрочем, она и не собиралась нападать первой. Она гордо выпрямилась в полный рост.

— Как и ты за мной, — парировала она.

— Мне жаль, что я тебя пугаю до такой степени, что ты не можешь спать, — по-прежнему не оборачиваясь, произнёс он.

Гор говорил тихо, терпеливо — слишком мягко для сложившейся ситуации. Эльга не сдвинулась с места, и он продолжил:

— Я благодарен, что тыпустила меня в свой дом, лечила, разрешила остаться. Но теперь ты об этом жалеешь. Я знаю, что не сделал и не сделаю ничего, что могло бы тебе угрожать. Но понимаю, что всё незнакомое тебя тревожит и не вызывает доверия. Ты всегда настороже. Я этого не хотел, но и предотвратить не смог.

Его прямота обезоруживала. И требовала ответной честности. Эльга не сдержалась:

— Почему ты лечишь это тело, а просто не выберешь себе тело любого одарённого, чтобы овладеть силой полностью и сразу?

Гор, наконец, обернулся, и она увидела, как в темноте слегка светятся его глаза. Как у котов в луче фонарика.

— Почему я не захватываю чужое тело, хотя способен? — холодно уточнил он. — Ты ведь это хотела спросить?

Она промолчала.

— Потому что это — преступление! А я — не убийца и

не вор! Я лечу это тело, потому что заключил договор, который выполняю. Я дал слово! У меня есть честь, и её я ценю дороже, чем самое лучшее тело.

Гор впервые вспылал в её доме. Волна сдерживаемого гнева долетела до Эльги. Но она не окатила её с головы до ног холодным отрезвляющим прибоем — лишь подобралась к ногам и тут же послушно отхлынула, повинувшись его воле. Но именно это почему-то Эльгу успокоило. По сравнению с церемонными речами вспышка возмущения была искреннее и по-человечески понятнее.

Если бы она застала гостя крепко спящим, то не позволила бы убедить себя, что ей самой приснилось это лёгкое прикосновение посторонней силы. Но Гор не пытался притвориться спящим. Наверное, ей следовало извиниться за излишнюю подозрительность, но Эльга терпеть не могла оправдываться. В отличие от предельно точных выражений гостя, у неё в голове металась лишь спутанные мысли, никак не складывающиеся в ясные высказывания.

Пока Эльга мучительно подбирала нужные слова, Гор её опередил:

— Невежливо среди ночи покидать дом, где тебе оказали гостеприимство. Я уйду утром. Даю тебе слово, что ты в безопасности. Если тебе так спокойнее, установи границу. Я её не переступлю. Если ты не можешь заснуть, я могу помочь.

— применишь силу? — без всякой иронии уточнила она, имея в виду его магию.

Он покачал головой.

— Я применил силу без твоего разрешения только один раз. Но ты была в обмороке, и спрашивать было абсурдно. — Он кивнул в сторону кухни. — Я заварил чай с травами. На нём заклинание лёгкого сна, часов на пять. Он, наверное, уже остыл, так что — на четыре.

Эльга босиком спустилась по лестнице, включила на кухне свой любимый неяркий ночник. Заварочный чайник, аккуратно прикрытый сверху полотенцем, действительно был полон, от него распространялся по комнате лёгкий запах мяты и чабреца с корицей. По времени всё совпадало. Тогда она достала две чашки, разлила янтарный напиток поровну и водрузила на стол вазочку с шоколадными конфетами.

— Присоединяйся, — предложила она хранителю в качестве извинений, понимая, что всё-таки стоит объяснить. — Не принимай мою подозрительность целиком на свой счёт. Просто у меня, видимо, профессиональная деформация. Мне слишком часто приходится всё проверять: документы, сделки, людей. Не верить на слово. Искать подвох. Такая привычка, из которой вот так сразу исключение для тебя не сделаешь. Не могла заснуть, вот в голову и полезли разные дурацкие мысли. Я действительно не имела раньше дел с такими, как ты. Дара ясновидения у меня нет, но интуиция с обычными людьми никогда меня не подводила. А с тобой она почему-то не работает. Поэтому я толком не знаю, кто ты.

— Тогда почему не спрашиваешь? — он уселся напротив через стол и отхлебнул из чашки первым, давая ей понять, что напиток безопасен.

Эльга покачала головой.

— Я не люблю спрашивать, — призналась она. — Мне кажется, если ты человек, мои вопросы будут по-человечески бестактны. Ты не обязан мне за помощь откровенностью и имеешь право рассказать ровно столько, сколько хочешь. Но какой смысл задавать вопросы, если я не намерена верить ответам? Моя бабка всегда повторяла: «Не спрашивай — и не услышишь лжи».

Гор положил перед ней обе руки раскрытыми ладонями вверх: жест полного магического подчинения.

— Ты можешь использовать заклинание правды, — посоветовал он.

Эльга разглядывала его ладони с внимательностью хироманта.

— А на тебе сработает? — усомнилась она.

— Я не буду сопротивляться, — пообещал Гор.

Эльга покачала головой. Заклинание правды она тоже терпеть не могла. В молодости это умение ей казалось необычайно полезным. Ласковый жест — пальцем нарисовать на ладони собеседника руну правды, а затем задать вроде бы случайный вопрос — и жертва в разговоре не сможет утаить свои подлинные, глубинные мотивы. Лучшая проверка того, кто рядом: друзей, родственников, любимых.

Можно рисовать не на ладони, а, например, на спине: «Угадай, что я рисую?» Хватает на пару-тройку часов, пока не развеется. И в этот период всё просто: лишь создай ситуацию — и человек откроется тебе в истинном свете, зазвонит, как чистый горный хрусталь от лёгкого удара, или задрезжит, как треснувшая дешёвая глина, и рассыплется на некрасивые черепки.

Беда в том, что чаще у тебя в руках остаются именно черепки. Поэтому есть вещи, которые в людях лучше вообще не знать. Так спокойнее. Пусть ты пребываешь в иллюзиях, но хотя бы живёшь до поры до времени в окружении то ли хрусталя, то ли глины — в счастливом неведении.

Эльга давно приняла для себя за правило эту добровольную слепоту: за исключением рабочих задач, ничего не следует проверять заранее. Всё произойдёт когда-нибудь в своё время. Жизнь и без её заклинаний испытывает людей куда лучше, чем любая руна правды. Судьба создаёт такие ситуации, которые никогда не выдумать ведьме, какой бы изобретательной она ни была. Рано или поздно такая проверка неизбежна. И лучше уж поздно, чем рано.

А до этого времени лучше жить хоть в иллюзиях, но дружить, как можешь, и любить, как хочешь. И потом с готовностью расплачиваться за свои фантомы той же монетой: тебе было «хорошо» в своих заблуждениях — теперь потерпи за это, отдай своё «плохо», рассчитайся по долгам, освободись.

А иначе... Иначе будь изначально одна. Неизбежный вы-

бор многих зрелых ведьм. В прошлом — избушка в лесу или пещера в горах, сейчас — домик в полузаброшенном посёлке, но главное — подальше от глиняных черепков. Потому что даже добровольный отказ от развеивания иллюзий помогает очень ненадолго. Вместо заклинания правды с возрастом, хочешь или нет, но приходит вещь куда более циничная и безжалостная — жизненный опыт. Неизбежный в своём применении.

Гор не убирал рук. Эльга отрицательно покачала головой и налила себе ещё чаю в опустевшую чашку.

— Не буду, — отказалась она. — Дело не в твоём сопротивлении.

— Я знаю, — он поднял глаза и посмотрел на неё в упор. — Я должен сознаться.

— В чём?

Эльгу этот взгляд нервировал, в ответ она непроизвольно щурилась.

— Я слегка телепат. Это не лучший мой навык, к тому же очень ограниченный по своей цели: он хорошо работает только в отношении одарённых. Неодарённые моему дару, видимо, не интересны. Ты же отточила интуицию на обычных людях и, вероятно, редко общалась с одарённым. И теперь сомневаешься.

Но тебе не кажется, что я действительно знаю о тебе больше, чем ты рассказала? Я понял, что ты любишь сирень, но этот запах расстроил тебя. Он связан с чем-то давним, хоро-

шим и плохим, от чего ты не смогла заснуть. Я хотел порадовать тебя тем, что ты любишь, но посмотрел только верхний уровень и не посмел заглянуть глубже. Я стараюсь не углубляться, но я действительно это вижу. Прости, что я из лучших побуждений нарушил границу дозволенного. Чтобы что-то скрыть от меня, достаточно держать завесу, как сейчас.

Эльга фыркнула, отхлебнула чай и откинулась назад на спинку стула.

— Было бы что скрывать, — презрительно бросила она, стряхивая с пальцев разоблачённое им заклинание завесы. — Не думаю, что тебе при твоей длительной и наверняка насыщенной жизни это может показаться любопытным. Мало у кого из людей есть в голове что-то уникальное. Как правило, у всех одни и те же банальности.

— Если ты поставишь завесу, я не смогу видеть.

— А просто не смотреть ты не можешь?

— Как? — Гор недоумённо пожал плечами. — Я же сказал, что могу оказаться гораздо хуже кота. Кот дерёт мебель не потому, что хочет навредить, — ему просто нужно точить когти. Такова его природа. Дар — это наша природа. Разве ты можешь им не пользоваться? Добровольно ослепнуть или перестать ощущать запахи?

Он покачал головой и продолжил:

— Я не могу претендовать на право знать о тебе хоть что-то. Я могу молчать о том, что вижу. Но когда из тактичности

выбираешь молчание, со временем оно становится похожим на ложь. Поэтому я признался. Дальше — выбор за тобой. Хочешь — держи завесу, не хочешь — не держи.

— Ладно, — отмахнулась Эльга. — Я не стеклянная ваза, от чужого внимания не разобьюсь.

Теперь под его пристальным взглядом она ощущала себя словно бактерия под микроскопом.

— Некоторые всю жизнь носят свою завесу, так что она превращается в личину, — заметил он. — Ты принципиальная или бесстрашная?

— Я ленивая, — бросила в ответ она. — И потом, было бы ради чего стараться!

— То есть произвести на меня хорошее впечатление ты не хочешь? — уточнил он.

— По-моему, все шансы уже упущены, — призналась Эльга и, наконец, зевнула. — Смотри-ка, подействовало. Спасибо. Пошли спать. Обещаю, завтра я буду лучше, чем сегодня. По крайней мере, постараюсь.

Гор кивнул.

Эльга с усилием заставила себя подняться по лестнице, игнорируя более доступный диван в гостиной, и рухнула лицом в подушку.

Глава 4. Без права на побег

С Божьей помощью переезд в новый дом я перенёс стойко и пребываю в бодром здравии. Конечно, библиотека моя ныне в плачевном состоянии, и я скучаю по строгому порядку моего старого кабинета. Но дом большой, и расположение его крайне удобно. И хотя мои новые обязанности своим разнообразием, очевидно, лишат меня прежнего досуга, посвящённого чтению, я тешу себя надеждой вновь обрести толику счастья в окружении любимых книг.

Сколь же счастлив тот, кто каждый день может черпать мудрость с их страниц, ибо так он беседует с Богом и святыми мужами. И ничтожны пред очами его короны всех царств земных, ибо он отвергнет их все ради любви к чтению. С трепетом вспоминаю я о ниспосланном мне счастье побывать с моим покровителем в библиотеке великого короля, ныне усопшего. Она была чудом света, достойным римских императоров, и уступала разве только собранию Святого Престола.

Но «Король Матиаши мёртв — сие есть истина!» — и нет никого в нашем многострадальном крае, кто без великой скорби мог бы произнести эти слова.

«Тайные записки декана собора Святой Барбары округа Литультоф»

Проснулась Эльга, как обычно, очень рано, до будильника. Полежала, прислушиваясь, но в доме стояла абсолютная тишина.

— Вот чёрт! — подумала она, поспешно откидывая одеяло. — Он же сказал, что уйдёт утром! И ведь уйдёт же, щепетильный паршивец! Бегай потом за ним по следу, разыскивай! Я уже не в том возрасте, чтобы работать ищейкой.

Она наскоро плеснула воды себе в лицо и, шлёпая тапочками по лестнице, спустилась вниз. Аристократическая особа стояла в гостиной — одетая и обутая — и, вероятно, ждала её.

— Дежавю, — сердито сказала Эльга вместо «доброго утра», оглядывая чёрную шинель и армейские берцы. — Определённо, я подобное уже видела. Разувайся.

— Доброе утро, — спокойно ответил Гор.

В отличие от Эльги, гость правилами вежливости не пренебрегал.

— Давай отложим мои извинения за вчерашнее, — попросила она. — Сначала хотя бы кофе. Без кофе по утрам я вообще невыносима, — призналась Эльга, останавливаясь в проёме кухни. — Так что ты поосторожнее: уйдёшь без разрешения — прокляну!

Гор вошёл вслед за ней на кухню, понимая улыбаясь. *«Барон, наконец, начал воспринимать шутки, — про себя отметила Эльга. — А то совсем был дикий!»*

— Я не собираюсь уходить насовсем, — объяснил он. —

Но хотел предупредить, куда пойду.

— И куда же? — поинтересовалась Эльга, вытаскивая банку с зёрнами и кофемолку. — Ты ещё на ногах стоишь не слишком твёрдо.

— Благодаря тебе уже гораздо лучше, — сообщил он. — Но есть вещи, которые нужно сделать как можно скорее.

— Проснуться, например, — подтвердила она.

— С пятницы прошло уже достаточно времени, — заметил он. — След может развеяться.

— Хочешь понять, откуда он пришёл? — уточнила Эльга, имея в виду прежнего владельца тела.

— Да. У него в карманах ничего нет: ни документов, ни ключей, ни денег. Он шёл в темноте через поле, больной и полубезумный. Возможно, обронил или бросил какие-то вещи, может, сумку. Может, живёт где-то рядом. О нём могут беспокоиться родственники, его могут искать.

— Разумно, — согласилась Эльга. — Но сначала позавтракай!

Отправляться вместе с хранителем на поиски Эльга не планировала. В его почтенном возрасте с простейшей задачей — пройти по недельному следу — он был вполне способен справиться самостоятельно. Да и выглядела аристократическая особа уже получше, чем прежний хозяин тела: тёмные круги под глазами стали светлее, лицо перестало казаться нервным и истощённым, на ногах он держался ровно, так что прогулка ему повредить не могла.

На улице опять моросило, воздух был напитан влажной пылью, температура никак не проваливалась в минус и балансировала на нуле. Выйти из дома в такую погоду Эльгу могла заставить только работа, но, поскольку она третий день изображала из себя больную, Эльга выдала хранителю термокружку с кофе и шарф, сплела согревающий заговор, а сама осталась дома.

Ко вторнику начальник Эльги окончательно убедился, что та разговаривать с ним не намерена, и стал заваливать её сообщениями и письмами. На них Эльга отвечала охотно, её пальцы так и летали над клавиатурой ноутбука. Работала она всегда быстро, документы ей дисциплинированно присылали по первому требованию, не дожидаясь второго.

Быть самой умной головой филиала было обременительно, но удобно, а шлейф столичной штучки со связями в головном офисе гарантировал ей привилегированное положение не только в зарплате, но и в праве болеть столько, сколько заблагорассудится.

В филиал Эльга перебралась шесть лет назад, бросив квартиру в столице, чтобы быть поближе к дому. Дом она обещала не бросать. Столичное агентство поначалу не хотело её отпускать, но, когда управляющий бизнеса посчитал, какое количество провинциального персонала он заменит одной Эльгой, согласие далось ему легко.

В филиале Эльга отказалась от суетной должности руководителя, предпочтя роль серого кардинала-заместителя, и

оставила себе право решающего голоса в вопросах безопасности сделок, без которого ни один квадратный метр недвижимости не мог быть продан или куплен.

Недвижимость на периферии, конечно, отличалась от столичной, но проблемы оставались всё те же. Кроме того, здешняя округа изобиловала историческими памятниками. То и дело в оборот агентства попадали объекты с культурным обременением: бесценные развалины с обязательством реставрации, прилагавшимся к покупке.

Эльга увлеклась историей. Земельные участки в вымирающих деревнях, разбросанных по живописным предгорьям, были труднодоступны — Эльга поменяла машину на внедорожник. Элитные посёлки из-за удалённости от столицы строились медленно, зато основательно. По сравнению с сумасшедшим темпом мегаполиса жизнь небольшого города текла спокойно и предсказуемо. Работы было не мало, но и не много.

Головной офис по старой памяти время от времени подкидывал сложные вопросы. Агентство отсчитывало свою историю с позапрошлого века и принадлежало потомкам имперской аристократии, хотя это не афишировалось. Но репутацией в фирме весьма дорожили. И Эльга ковырялась в любых документах с дотошностью опытного сыщика, от внимания которого не ускользнёт ни один отпечаток пальца. Чутье и опыт её никогда не подводили, и потому её за глаза считали провидицей, способной без страха похоронить любой проект

недостаточной юридической чистоты. Последнее слово, конечно, всегда оставалось за учредителями, но предпоследнее надёжно принадлежало ей.

Из мелких раздражающих факторов в провинциальном филиале был только один — начальник. Бывший одноклассник управляющего, пристроенный более успешным другом на тёплую руководящую должность, никак не мог удовлетворить своё вечно больное самолюбие, вызовом для которого являлась лишь формально подчинённая ему Эльга. Её шеф жаждал неформального подчинения, однако в этом ему было небрежно отказано.

После такой нанесённой обиды логично было ожидать мести. Не имея власти сместить строптивую ведьму с должности, он принялся мастерски трепать ей нервы. Сначала она просто игнорировала его попытки управлять тем, что в его управлении совершенно не нуждалось, но он оказался настойчивым. Эльга с любопытством гадала, насколько его хватит, но шеф был упорным, как слепой крот. Он копал, не разбирая направления, зарывался всё глубже и регулярно падал в свои же ямы, вырытые для неё.

Пару-тройку раз в году Эльга, изобразив незначительное сопротивление, предоставляла начальнику право проявить власть и самому принять очевидно проигрышное решение, получить предсказуемо негативные последствия и лично доложить о них в головной офис. После таких случаев начальник становился потише и поговорчивее, но надолго отри-

цательного опыта ему не хватало. Судя по количеству сообщений и требований, период очередного затишья подходил к концу.

За два дня имитации болезни работы скопилось чуть больше обычного. Из главного офиса прислали ссылку на список аукционов, где выставлялись на продажу местные объекты культурного наследия, и вежливо просили поискать, нет ли среди них чего-то стоящего внимания. Но всё стоящее внимания было уже давно куплено и арендовано, поэтому лоты висели и переносились годами.

Когда-то стратегически важный край предгорий был усеян оборонительными укреплениями, запиравшими от врага проходы в узких ущельях. Так что теперь через каждые двадцать километров тут встречались живописные руины разных архитектурных эпох — от романского стиля до барокко. Но туристический поток был слаб, а реставрация, раскопки, восстановление в историческом облике требовали огромных инвестиций, решиться на которые мог только большой капитал из благотворительных целей. А для этого большому капиталу вполне хватало и столичной недвижимости.

Эльга не заметила, как пролетели полдня. Стук в дверь оторвал её от чтения очередного охранного обязательства, которым обременялась торчащая из земли, как обломок зуба, половина стены шестисотлетнего донжона¹³. Хотя Эльга

¹³ Донжон — (от французского *donjon*, что означает «господская башня») — как правило, центральная башня в европейских феодальных замках, но могла

не столько читала, сколько любовалась стеной.

На пороге стояла аристократическая особа с довольным выражением лица.

— Судя по всему, прогулка выдалась успешной, — заметила Эльга, пропуская Гора в дом.

— Я нашёл его рюкзак, — сообщил Гор.

— Где? — поинтересовалась Эльга.

— В паре-тройке километров от холма. В перелеске у дороги.

— Ты уверен, что это его рюкзак? — спросила Эльга.

— Уверен, я шёл по его следу. Он продирался через посадки к полю, и рюкзак зацепился за ветки. Жаль, что дальше на трассе след уже стёрся. Я не смог понять, с какой стороны он пришёл. За трассой следа нет.

— Мог приехать на машине или автобусе, — предположила Эльга. — Ты посмотрел, есть ли там документы?

— Нет. Мне показалось неправильным копаться в чужих вещах в одиночку, без свидетелей. Рюкзак довольно грязный, и к тому же внутри есть ворованные вещи.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Эльга.

Он посмотрел на неё с некоторым недоумением.

— Разве ты не умеешь считывать память предметов? У тебя для этого достаточно сильный дар.

Эльга отрицательно качнула головой. Этому её не учили.

— Потом покажешь, — бросила она и пододвинула к ди-

вану журнальный столик. — Давай, клади сюда свой «вещдок».

Большой рюкзак был действительно мокрый, грязный и чёрный, как и вся остальная одежда пока безымянного персонажа. Во внешнем кармане нашлось затёртое портмоне и севший мобильник с разбитым стеклом. Эльга вытащила из портмоне удостоверение личности и банковскую карту.

— Иштван Боржек, — прочитала она, потом посмотрела на год рождения и сообщила: — Двадцать семь лет. По возрасту подходит. Место рождения — Литультоф. Местный.

Она критично оглядела аристократичную особу.

— Да, с твоим родовым именем не сравнить, конечно! — усмехнулась она.

— Ты меня всё равно по имени не зовёшь, — заметил он. — Так что я не почувствую разницы.

— Иштван подходит тебе ещё меньше, чем Гораций, — пояснила она.

— Гор, — поправил он.

Эльга повертела в руках повидавший виды телефон — старая модель с треснувшим стеклом, пережившая множество падений. Сим-карты в нём не оказалось.

— Судя по телефону, — заметила она, — на карте ты много денег не найдёшь. Да и бумажки с кодом в портмоне нет.

Гор протянул руку, раскрытая ладонь на пару секунд зависла над пластиковой картой.

— Один-два-ноль-девять, — чётко произнёс он.

Эльга восхищённо присвистнула:

— Хорошо, что ты не вор и не мошенник! С такими способностями!

— С такими же, как у тебя, — парировал он. — Ты же не стала воровкой или мошенницей.

— Возражение резонно, — признала она. — Я чту закон, поэтому стала экспертом по проверке недвижимости.

— Поэтому тебе нравится разглядывать древние развалины? — он кивнул на оставленный Эльгой ноутбук, где всё ещё была открыта фотография выставленной на аукцион башни. — У тебя какая-то скучная, совершенно не творческая специальность. Для ведьмы это странный выбор.

— Хватит обо мне, — оборвала его Эльга. — примени свои способности к вещдоку. Что там набито в основном отсеке?

— Одежда, — ответил Гор. — Наверное, он собирался куда-то ехать.

— Судя по телефону, там не вещи от кутюр.

— Зато нужного размера, — заметил он.

— Вытаскивай, — распорядилась Эльга. — Как минимум, их нужно выстирать.

Гор потянул из рюкзака комок тёмного тряпья и вдруг замер.

— Там что-то твёрдое.

Он осторожно вытащил из рюкзака чёрную куртку, в которую был тщательно завернут не очень большой прямоуголь-

ный предмет. Книга? Коробка? Но из-под заношенной ткани вдруг блеснул жёлтый, с благородным налётом патины металл, инкрустированный россыпью драгоценных камней.

Эльга непроизвольно ахнула.

— Ничего себе!

Гор бережно поставил на столик небольшой ларец с крышкой, напоминающей шатёр. Четыре его боковых грани были оформлены в виде столпов; по ним, огибая закрепки камней, вилась скань растительного мотива из виноградных лоз. Два ангела-стражника со скрещёнными алебардами охраняли декоративную дверцу с барельефом, украшенным изображениями арф и труб. Золото было тёмным, старинным.

— Это что-то церковное? — спросила Эльга, когда первое удивление слегка прошло. — Дарохранильница?

Однако положенный для такого предмета крест на ларце отсутствовал.

— Табернакль, — непонятно ответил Гор.

— Краденое, — констатировала Эльга. — Даже гадать не нужно.

Теперь они оба склонились над находкой.

— Надо было сразу посмотреть, — упрекнул себя Гор.

Его пальцы, не прикасаясь к ларцу, ощупывали воздух над ним. «*Считывание памяти предметов*», — догадалась Эльга. Внезапно Гор резко отдернул руки.

— Что такое? — встревоженно спросила она.

Он осторожно потянул за куртку, окончательно высвобождая ларец из складок одежды, чтобы получше рассмотреть его со всех сторон. Но в следующую секунду золотой ларец вдруг дёрнулся, как живой, задрезжал о стеклянную поверхность журнального столика и потом будто взорвался изнутри. Створки декоративных дверей со звуком выстрела распахнулись, изнутри вырвалось облако тёмного дыма. Куртка полетела в одну сторону, Эльгу снесло с дивана в другую. Гор схватил её в охапку и рванул прочь, загоразивая собой. Его левая рука взметнулась в защитном жесте, словно

он ждал неминуемого мощного нападения. Чтобы не упасть, Эльга вцепилась в его плечи.

Тёмная струя ударилась в потолок, вихрем заметалась по кругу воронки в гостиной, несколько раз наткнулась на выставленный Гором магический щит и затем стремительно ринулась в окно. Эльга сжалась в предвкушении звона разбитого стекла, но тройной стеклопакет, к её удивлению, выдержал. В доме воцарилась ошеломлённая тишина.

Несколько секунд Эльга и Гор, замерев, стояли посреди гостиной, настороженно прислушиваясь. Но ничего не происходило.

— Что это? — наконец не выдержала она. — Что это было?

Гор осторожно выпустил её и, тяжело вздохнув, спокойно пошёл к эпицентру случившегося.

— Это был тюремный табернакль, — с расстроенным видом сообщил он и потряс кистями так, словно стряхивал с них какую-то грязь. — И он был не пустой.

Эльга сдержалась.

— Буду тебе благодарна, — очень спокойно начала она, — если ты объяснишь, что такое табернакль вообще и тюремный табернакль — в частности.

— Ты когда-нибудь имела дело с одержимыми? — неожиданно спросил Гор, поднимая упавший с журнального столика золотой ларец.

— Нет, — покачала головой Эльга, — но при чём тут...

— Если бы я захватил твоё тело, ты стала бы одержимой. Если бы тебя освободили после этого, меня ждало бы одиночное заключение очень надолго. Это дарохранительница, вероятно, принадлежала церкви. Табернакль — это её форма в виде шатра. Кто-то превратил его в тюремную камеру для преступника. И этот преступник только что сбежал.

— Преступник? — Эльга подошла и с опаской наклонилась, чтобы из-за плеча Гора рассмотреть табернакль.

— Да, — кивнул Гор.

— Сбежал? — Эльга с беспокойством осмотрела гостиную.

— Да, — терпеливо подтвердил он.

— Но сейчас его тут уже нет? — на всякий случай переспросила Эльга.

— Нет, — ответы Гора были односложными, он был полностью сосредоточен на золотом ларце: разглядывал, ощупывал, вертел в руках.

— Это хорошо, — прокомментировала Эльга, радуясь, что в её гостиной нет никого лишнего. Старинные развалины она, конечно, любила, но заводить у себя в доме старинное привидение было бы уже слишком.

В ответ Гор резко вскинул на неё глаза — и Эльгу словно облили ледяной водой. Взгляд был кратким, но ещё пару секунд после него она пыталась оттаять и согреться.

— Это настолько опасно? — совершенно другим тоном поинтересовалась Эльга.

— Да, — кратко подтвердил Гор и наконец снизошёл до объяснений. — В такие тюрьмы попадают не за благие дела. Подобному наказанию обычно подвергают тех одарённых, кто, утратив своё тело, предпочитает вселяться в чужие без согласия владельцев. Табернакль старинный, лет четыреста с лишним. Если преступник просидел в нём хотя бы половину этого времени, значит, на его счету несколько жертв. Надзирать за такими заключёнными — обязанность стражей. То, что эта вещь как-то попала в руки непосвящённого, уже очень плохо. Но то, что какой-то непосвящённый отковырял с печати запирающий камень, — крайне опасно. Это всё равно что оставить ключ в замке тюремной камеры.

— Камень? — Эльга вытянула шею, пытаясь рассмотреть табернакль. — Где?

— Печать находилась вот тут, в перекрестье секир, — показал Гор. — Без щитового камня она оказалась ослабленной и, очевидно, не могла полностью блокировать дар того, кто был тут заключён. Это как незаметная трещина в кувшине, через которую вода просачивается. Этот преступник был осуждён не хранителем круга, а стражем.

— Откуда ты знаешь?

— Хранитель запечатал бы тюрьму огнём, а камень — печать стража. Значит, приговор не лишил преступника его способностей. Хранитель в первую очередь расторг бы родовой договор с кругом, а стражу это не под силу. В заключении дар сильно слабеет, но не исчезает. А чтобы вырвать-

ся, нужна некоторая сила. И я, к сожалению, её предоставил, когда внёс табернакль в воронку, которую сам же и создал.

Гор с досадой тряхнул головой. Эльга дотянулась до куртки, отлетевшей метра на два и теперь валявшейся на полу, тщательно перетрясла её и вытряхнула всё до последней крошки. Откуда-то из глубины выпало кольцо с ключами.

— Тут камня нет, — констатировала она.

— Неудивительно, — согласился он. — Тут нескольких камней не хватает. И сняты они давно, может, даже не в этом веке. Но щитовой камень вынут из закрепок лет десять-пятнадцать назад. Значит, до этого времени владелец табернакля точно знал, что этого делать нельзя. А вот печать кто-то непосвящённый повредил совсем недавно.

— Сомнительный персонаж тебе достался, — посочувствовала Эльга, кивая на самого Гора, но имея в виду лишь тело. — Мало того, что наркоман, так ещё и вор.

— Ничего в нём сомнительного нет, — небрежно бросил Гор, думая, очевидно, о другом. — С этим Иштваном Боржеком всё теперь как раз ясно.

— Что ясно?

— Как он оказался в круге и зачем.

— Объясни! — потребовала Эльга.

— Обычно запирающий камень блокирует любую связь заключённого с внешним миром. Это непроницаемая граница. Но повреждённая печать дала ему шанс применить свой дар. Дар, для владения которым не нужен ни взгляд, ни жест,

лишь внушённая мысль — это дар наваждения. Он способен влиять на тех, кто оказался рядом. Расчёт верен: чем слабее человек, тем больше у него шансов стать ведомым, и наркомана преступник выбрал как самого слабого. Психика таких людей и без внешних воздействий расшатана. Я принял Иштвана Боржека за самоубийцу, потому что ему было наплевать на самосохранение, а он лишь выполнял чужой приказ.

— Внести табернакль с повреждённой печатью в воронку круга? — догадалась Эльга.

— Да. Преступник рассчитывал сразу получить в круге почти неограниченную силу, сорвать печать и вырваться, — кивнул Гор. — И тут же захватить уже подготовленное тело. Очень здравый план, если учесть, что в одиночной камере заключённые часто сходят с ума. Но он выбрал в качестве ведомого наркомана. В силе наваждения ему пришлось соперничать с наркотиком — с переменным успехом. И ведомый случайно потерял рюкзак до того, как вошёл в воронку круга. А самостоятельно выйти уже не смог.

Эльга вспомнила самоубийцу, упорно ползущего к вершине холма. Её гость сжал кулаки.

— Прости, что я принёс эту вещь в твой дом, не проверив рюкзак заранее. Это был крайне необдуманный поступок. Я собственными руками способствовал побегу и теперь несу ответственность за происшедшее.

— По-моему, у тебя завышенное чувство ответственности.

сти, — заметила Эльга. — То, что ты последним прикоснулся к табернаклю, не делает тебя соучастником побега.

— Ответственность не за соучастие, — пояснил он. — Я выпустил в ваш мир опасного преступника, которого нужно поймать как можно скорее. Это мой долг как хранителя.

При слове «долг» Эльга призадумалась. Аристократичная особа со своими высокоморальными, но несколько потусторонними обязательствами начисто упускала из виду вполне материальные и уголовные последствия, но Эльге виделись совсем другие риски.

— Табернакль — вещь ценная и, очевидно, краденая. Очевидно, его ищут. И надо его вернуть. Иначе Иштван Боржек вполне может присесть на реальный срок. Явка с повинной позволит избежать заключения под стражу. Я могу внести за него залог и выступить поручителем.

— Я приму любую твою помощь и совет с огромной... — Увидев выразительный взгляд Эльги, он оборвал себя на полуслове, помолчал и добавил: — Будем справедливы: ты сдержалась. И я тоже. Я стараюсь опускать выражения благодарности, но для меня это примерно так же сложно, как тебе погасить вспышку недовольства.

Эльга поняла, что с требованиями она, пожалуй, и вправду перестаралась. Кто, в конце концов, она такая, чтобы подстраивать под себя человека с букетом хорошего воспитания пятисотлетней выдержки?

— Что ты намерен делать? — спросила она, возвращаясь

к текущей проблеме.

— Эту вещь наверняка должен искать страж, который её утратил, — пояснил Гор. — Чтобы её вернуть, нужно понять, кому именно. Стража-надзирателя следует подвергнуть умеренному наказанию за плохое исполнение обязанностей. Возможно, придётся назначить нового. Но это сейчас не так важно. Важно его найти.

— Преступника?

— Нет, сначала мне придётся найти стража. Страж должен знать, кто именно был заключён в табернакле. Без этого гоняться за преступником бессмысленно.

— Почему?

— Я не знаю его имени. В этом мире он давно утратил своё тело, и наручники на него не наденешь. Духов ловят иначе, используя эвокацию¹⁴. Поэтому нужно знать его настоящее имя. Тогда тоекратным оглашением я смогу призвать его на суд, и он вынужден будет явиться. А без имени, даже если я поймаю его, что с ним делать дальше? Я не смогу приговорить его к новому заключению и опечатать табернакль.

Эльга приподняла искажённую дарохранительницу и тоже осмотрела её со всех сторон, но никаких надписей не обнаружила.

— Разве нельзя было какую-нибудь табличку приделать?

¹⁴ Эвокация — магический ритуал призвания демонов. От лат. *evocatio* — призыв, вызывание.

— недовольно пробурчала она. — С именем и фамилией, с датой и сроком заключения. Это крайне непродуманная тюремная камера! Почему вообще так важно именно имя?

— Имя меньше всего связано с материальным телом человека. Имя — это то, что остаётся даже после смерти. Ты умираешь окончательно, когда твоё имя больше никому произносить. Есть имена, которые вообще лучше не знать. Поэтому имя преступника известно только судье, который его приговорил, и стражу. Это дополнительная защита от желающих его освобождения. Так его сложнее найти. Печати лет четырёх с лишним, так что судья уже, очевидно, мёртв. Значит, нужно искать последнего стража. И это тоже будет весьма непросто.

— Предвижу: имя стража тоже нигде не записано. Табернакль у него украли?

— Это самое простое предположение. В руках у Иштвана Боржека эта вещь находилась всего несколько дней. До этого прошла множество рук, но я не могу знать, каких именно. Самое странное — я не ощущаю на табернакле укрепляющей магии стража. Либо он пренебрегал своими обязанностями, либо лишился табернакля достаточно давно.

Эльга принесла свой телефон и сделала несколько снимков ларца.

— Тогда сначала нужно убедиться, что вещь действительно в розыске, — заключила она. — Сразу идти в полицию с повинной не стоит, может, ещё рано каяться. Но у меня

есть к кому обратиться по неофициальным каналам. Завтра я этим и займусь. А этот дух? — Эльга покрутила пальцем, повторяя движения тёмного вихря по своей гостиной. — Он не вернётся?

Гор аккуратно закрыл повреждённые дверцы дарохрани-
тельница.

— Не думаю, что он вернётся. От тюрьмы преступники, как правило, хотят убежать как можно дальше. Тем более от такой, рядом с которой всегда должен находиться страж. Поэтому не бойся. Тебе ничего не угрожает, — успокоил он. — Сейчас, после длительного заключения, этот беглец слишком слаб, чтобы сразу захватить чужое тело.

— Почему?

— Тело обычного человека малопригодно для одарённого. У меня довольно сильный дар, но и мне потребуется время, чтобы это тело подстроилось и изменилось, прежде чем я смогу применить свои способности в полной мере. Использовать слабый дар в теле неодарённого практически невозможно. Если надолго застрять в таком теле, можно вообще лишиться способностей. Не только дар влияет на тело, но и тело — на дар. Это похоже на перетягивание каната: со слабым даром можно и проиграть. Тело же сильного одарённого ему вообще не по зубам.

— Тогда зачем его вообще ловить, если он такой слабый? Может, он уже своё отсидел? — Она заметила, как Гор недово-
льно нахмурился. — Ладно, ладно. Это было всего лишь

предложение.

— Он уже применил дар к невинному человеку, внушил ему мысли о краже и самоубийстве и готов был захватить его тело. Ты думаешь, что он бросит эту затею, потому что с первого раза не получилось? Ты хоть представляешь, что такой преступник может натворить, когда усилится? Сколько людей могут пострадать? Сколько жизней он исковеркает?

Эльга поморщилась. Наверное, её гость прав, но его правота требовала дальнейших действий, приложения каких-то усилий. Хранитель, возможно, действительно преисполнен чувства долга, но сама Эльга этому миру ничего не должна. С благими порывами спасти ближних и дальних она завязала лет пятнадцать назад и с тех пор ни разу об этом не пожалела. Принцип невмешательства долгие годы успешно хранил её покой, и отказываться от него она не собиралась. Если верить хранителю, ни она сама, ни её дом не подвергнутся нападению.

Эльга пожала плечами.

— Ты так говоришь, будто без этого духа в мире не происходит краж и самоубийств, — заметила она. — Разочарую тебя: он — не единственное зло этого мира. Человечество ежедневно успешно коверкает жизни совершенно самостоятельно, без потусторонних сил.

Пристальный взгляд Гора снова упёрся ей в переносицу.

— Ты снова хочешь казаться хуже, чем ты есть, — огорчённо произнёс он. — Бездомных котов ты подкармливаешь,

но людей почему-то совершенно не жалеешь. Если это твой сознательный выбор, то не переживай: я справлюсь с этим самостоятельно. Я не прошу помощи, но ожидал понимания.

Свою прямоту он явно ценил больше, чем любезность.

— Герой спасает мир! — с наигранным умилением прокомментировала уязвлённая Эльга. — Как с таким наивным энтузиазмом ты пятьсот лет протянул, что тебя не убили?

И неожиданно натолкнулась на странную улыбку.

— Не буду тебя разочаровывать, — холодно ответил он.
— Меня убили.

Глава 5. От свидетельницы до соучастницы

В одиночестве отправился я во Влитуцу, дабы выяснить, что случилось с тамошним мельником. Письмо от старосты Влитуцы, полученное накануне, повергло меня в беспокойство. Посыльный привёз его уже затемно, из чего я заключил, что дело весьма срочное, и с утра немедленно отправился в путь.

Всякий раз, когда прихожане бывают объяты страхом пред тем, что их разумению недоступно, обуревают меня тяжкое смятение. Но не столь от того явления, что их напугало, сколь от последствий, каковыя сей страх за собою может повлечь. И хотя милостью Божией мне часто удаётся водворить мир в душах и предотвратить страшную расправу над заподозренными, доселе трепещу я пред свирепым пламенем, что может возгореться от факела, брошенного в дом обвинённого в колдовстве. Да простится мне сие роптание, но подчас в горьком сетовании помышляю я, что здешние хлебопашцы, виноградари и ремесленники, пожалуй, самые напуганные люди на земле.

«Тайные записки декана собора Святой Барбары округа Литультоф»

Гор аккуратно упаковал табернакль в грязный рюкзак и

решительно поднялся, давая понять, что разговор закончен. Эльга выразительно посмотрела в сторону двери и слегка повела бровью. Вертушка замка послушно провернулась по часовой стрелке, выбрасывая запирающие ригели. Едва ли демонстративно закрытая перед самым носом дверь удержит аристократическую особу, но хотя бы слегка притормозит.

— У тебя есть лопата? — неожиданно поинтересовался Гор.

— Лопата? — Эльга забыла про дверь. — Ты собрался закапывать краденое?

— Да, — подтвердил он. — И тебе лучше не знать, где именно.

— Это ещё почему?

— Если Иштвана Боржека найдут и установят его знакомство с тобой, то и дом, и окрестности тщательно обыщут. Когда тебя спросят, ты сможешь честно ответить, что ничего не знаешь.

— Когда меня спросят, я смогу честно соврать, — заметила Эльга. — Однако, если вещь в розыске у полиции, её придётся вернуть. Завтра я это узнаю, но придётся съездить в город. Такие темы уместнее обсуждать при личной встрече, чем по телефону.

— Это существенно поможет моим розыскам. Однако я прошу тебя на некоторое время сохранять в тайне то, что тебе известно. Если ты выяснишь имя официального владельца, мне нужно будет встретиться с ним, чтобы получить от-

веты на свои вопросы. Страж ли он? Такие предметы должны находиться только в руках посвящённых. Пока я не найду стража, который пренебрег своими обязанностями, живого или мёртвого, я не могу вернуть табернакль, кому бы он сейчас ни принадлежал.

Эльга смиренно вздохнула. С её помощью или без, но хранитель был намерен вести собственное расследование. Аристократическая особа оказалась человеком долга. Сдвинуть таких людей с намеченной цели невозможно, и замок на двери их не остановит.

Лопаты, тяпки и грабли лежали в гараже. Эльга никогда к ним не прикасалась. Гор шёл по дорожке первым. Эльга, слегка отставая, шагала следом. Но, не дойдя до гаража, хранитель неожиданно замер, словно споткнулся. Она налетела на него, уткнувшись в его спину. Гор неподвижно стоял и смотрел в землю справа от себя. Эльга тоже посмотрела, но ничего необычного не заметила. Прибитая заморозком трава на газоне, ухаживать за которым Эльге было недосуг, зияла несколькими проплешинами.

— Что такое? — недовольно поинтересовалась она. —
Что опять?

— Ты безжалостна, — обвиняющим тоном произнёс Гор.
Эльга оглянулась по сторонам в поисках жертвы, к кото-
рой она не проявила жалости, но участок был пуст.

— С чего бы это? Погода что ли навееяла?

Он резко развернулся к ней.

— Сколько кустов ты тут вырубил? — гневно спросил он.

И безошибочно ткнул пальцем в ту часть земли, где лет
пять назад Эльга жестоко расправилась с тремя кустами си-
рени.

— Далась тебе эта сирень! — в сердцах выдохнула Эльга.

— Мне? Это не я её уничтожил!

— Кусты были старые и больные. Вот и вырубил!

Некоторое время оба недовольно смотрели друг на друга в упор.

— Ложь, — неожиданно тихо заметил он. — Я знаю, что не имею права спрашивать. Но постарайся не говорить мне неправды. Я её чувствую. А так как завесу ты держишь плохо, то не чувствовать нет никакой возможности.

— Заняться мне больше нечем, как круглосуточную завесу держать! — бросила Эльга.

Гор тем временем присел на корточки и неожиданно погладил землю, словно несчастного, брошенного хозяевами щенка.

— Что ты делаешь? — потрясённо спросила Эльга.

— Пробуждаю корни, — сердито ответил он и поднялся. — Что бы у тебя ни случилось, бороться нужно не с тем, что в земле, — он ткнул пальцем в проплешину под ногами, — а с тем, что в голове!

И его палец упёрся в её лоб.

Эльга, сурово глядя исподлобья, но одновременно борясь с приступом смеха, медленно отвела его указующий перст рукой.

— Слушай, садовник-психотерапевт! Бери-ка ты лучше лопату.

Инструмент аристократическая особа выбирала с тщательностью опытного землекопа. Штыковой лопатой Гор не ограничился: к удивлению Эльги, прихватил ещё и тяжёлый лом.

— И откуда у барона такие навыки обращения с крестьянским инвентарём? — поинтересовалась Эльга.

— В прошлом мне приходилось кое-что рыть, — неопределённо ответил Гор.

— Колодцы? — предположила Эльга, косясь на лом.

— Рвы и могилы, — неохотно признался он и перевёл разговор на более лёгкую тему. — В предгорьях каменная почва, а я собираюсь стать искателем кладов и расхитителем гробниц.

Эльга махнула рукой.

— Я вижу, ты упрямо хочешь засадить Иштвана Боржека сразу по нескольким статьям. Может, ты не в курсе, но незаконные раскопки — это ещё просто штраф. А вот сокрытие найденного — уже уголовное преступление.

Гор продемонстрировал ей гордо задранный подбородок.

— Я не завещал своё имущество ни королю, ни государству, ни парламенту, ни наследникам. Оно никем не найдено, у него нет добросовестного приобретателя. Так что я намерен вступить в обладание своим состоянием. Кстати, действующий уголовный кодекс младше моих прав собственности на четыре века, так что я не намерен им руководствоваться.

— Зато полиция намерена, если тебя застанут на месте преступления, — напомнила Эльга.

— Поздней осенью? В предгорьях? В сумерках? — он с сомнением покачал головой. — Тут даже без завесы можно

обойтись, но, если ты беспокоишься, завесу я поставлю. Отсюда до Доллахвара, наверное, километров двенадцать.

— Ты собрался в Доллахвар? Я тебя туда не повезу! — решительно отказала она.

— Не буду тебя отвлекать. Дойду сам.

— Пешком?

Он кивнул:

— Берцы у парня крепкие, ноги есть.

Эльга сдалась.

— Охота пуще неволи, — к месту припомнила она сказку своей бабки и махнула рукой. — Ладно, сделаю сегодня то, что хотела отложить на завтра. Съезжу в город, заодно подвезу тебя до поворота на Доллахвар.

Но высадить упряма прямо на трассе всё-таки показалось Эльге слишком жестоким. Погода с утра никак не улучшилась: дул холодный мокрый ветер, низкие тучи превратили день в сумерки. На лобовое стекло машины оседала водяная взвесь. От шоссе в предгорья уводила узкая неровная дорога. Лопата и лом в багажнике громыхали на каждой кочке.

Деревня Доллахвар постепенно вымирала. О былом многолюдии напоминали лишь старая замшелая церковь с обвалившейся северной стеной да большое кладбище за полуразобранной каменной оградой. В летние месяцы на этот живописный вид слетались художники, но пару лет назад осыпающиеся руины признали опасными и огородили уродливым, но надёжным забором с предостерегающими надпися-

ми. И столичные ценители прекрасного, разочарованные таким неромантичным добавлением к пейзажу, отправились рисовать другие развалины, которых в округе было в избытке. Сейчас в деревне едва можно было насчитать десяток ещё обременённых жителями домов.

Но до деревни они не доехали.

— Останови тут, пожалуйста, — попросил Гор.

Эльга осторожно съехала на обочину. Края здешних дорог в сырую погоду были весьма опасны из-за плоских мелких камушков и скользкой, как масло, мокрой глины. Внедорожник влипал в неё всем своим немалым весом и, съехав с безопасного асфальта, мог без чужой помощи и не выбраться. Именно этому первому печальному опыту Эльга была обязана знакомству с деревней Доллахвар и с памятником культурного наследия — рыцарской башней Лэндльхейм, от которой осталась одна стена донжона с узкой бойницей и торчащие обломанные зубы крепостных стен.

Пока Эльга ждала эвакуатор (а в провинции, как правило, никто никуда не торопился, сколько ни кричи в трубку, что тебе срочно), она успела прогуляться и к развалинам, и к деревне, где хозяин местного разоряющегося ресторанчика любезно завёл свой древний трактор и вытащил её внедорожник, не оправдавший надежд о высокой проходимости.

— Так, — строгим голосом начала Эльга, — совместное сокрытие краденого превращает людей в соучастников. Так что я даже из машины не выйду.

Она обернулась, когда Гор не ответил. Он с неприкрытой нежностью смотрел на унылый мокрый пейзаж с развалинами башни вдалеке. Такого выражения лица у аристократической особы Эльга ещё не видела.

— Это твой дом? — догадалась она.

— Нет, — ответил он. — Усадьба, где я родился, была ближе к деревне, а это — родовой замок. В моё время в нём располагался гарнизон. Западная стена обрушилась от подкопа во время осады при моём прадеде. Защитники не сдались, их взяли в плен в бою, после чего казнили. Но в выборе смерти им была оказана честь, даже простолюдинам.

— Как можно оказать честь убийством? — хмуро поинтересовалась Эльга.

— Их не повесили, как воров или разбойников, — с готовностью пояснил Гор. — Их сбросили со скалы.

— Скала казнённых? — догадалась Эльга. — А я ещё гадала, откуда тут такое название! Думала, что специально для туристов выдумали, чтобы в здешних местах была своя Тарпейская скала¹⁵.

— Родственники смогли забрать тела и похоронить достойно. Прадеда в плену ослепили. Он мог сохранить себе жизнь, но запретил платить за себя выкуп и пожелал быть казнённым вместе с остальными. Говорили, что, прочитав молитву, он сам шагнул в пропасть. Ему должны были от-

¹⁵ Тарпейская скала в Древнем Риме на Капитолийском холме, с которой сбрасывали преступников, совершивших в тои числе предательство.

казать в христианском погребении внутри церковной ограды. И тогда всех казнённых похоронили рядом с ним — вокруг старой родовой часовни-усыпальницы, которую взорвать вместе с замком не решились. Мальчишками мы играли на этих развалинах.

Эльга заслушалась.

— Знаешь, ты просто находка для турагентства, — с искренним восхищением сказала она.

Гор вышел из машины и вытащил из багажника рюкзак, лопату и лом. Эльга открыла окно, и в него ворвался холодный ветер. Гор обошёл машину и остановился у водительской дверцы.

— Я приеду часа через три-четыре, — пообещала Эльга.

— Заберу тебя с этого же места.

— Не нужно, — он отрицательно покачал головой. — Я не знаю, сколько времени мне понадобится, поэтому вернусь, когда закончу.

— Мокро, — весело напомнила Эльга. — К вечеру стемнеет и похолодает. А у тебя нет даже телефона. И как тебя потом искать?

Он посмотрел на неё несколько удивлённо.

— Пожалуйста, не беспокойся за меня. Я на своей земле и не потеряюсь.

— Я беспокоюсь не о том, что ты потеряешься, — возмутилась Эльга, как будто её поймали на несвойственной доброте, — а о том, что неудачно найдёшься. К сведению, я еду в полицию. Поэтому постарайся, чтобы мы там случайно не встретились.

Гор слегка улыбнулся.

— Обещаю. Будь спокойна, — он немного подумал и добавил: — И не волнуйся, я не беззащитен.

Вместо ответа Эльга демонстративно завела мотор и закрыла окно.

«Действительно, — сердито сказала она себе, — зачем переживать за человека, которого один раз уже убили?»

И, не дожидаясь, когда он отойдёт от машины, Эльга развернулась и нажала на газ.

Гор сошёл с дороги, только когда красные габаритные огни внедорожника скрылись из виду. Других машин в прямой

видимости не было, но от завесы он всё равно не отказался. Старая дорога, когда-то ведущая к южным воротам замка, давно перестала существовать, но, повинаясь безупречной памяти, он шёл по ней уверенно, как хозяин, вернувшийся домой из дальнего путешествия.

Он обогнул несколько валунов, не сдвинутых временем с привычных мест. Наступающие сумерки милосердно прятали царившее вокруг запустение. Ближе к башне торчащие из земли камни стали попадаться чаще. Там, где прежде располагались ворота, Гор остановился и по старой привычке поднял глаза вверх — к несуществующей в пространстве точке, известной теперь только ему одному. Со стороны могло бы показаться, что он обращается к каким-то высшим силам, и силы эти говорят с пришедшим голосом ветра, шумящего в развалинах.

Гор обошёл башню и остановился с подветренной стороны. Бросил на землю рюкзак, прислонил лопату и лом к стене и прижал ладони к холодному, влажному камню. Чужое тело — ослабленное и повреждённое — могло и не справиться с задуманным, но другого у него всё равно не было. Ждать быстрого результата не стоило.

Когда-то суеверные крестьяне шёпотом передавали из уст в уста страшные легенды о холме, на котором первый из рода Доллахов вздумал построить свой замок. Где-то в глубине давно обрушившихся подземелий покоились теперь священные валуны древнего капища, уложенные по воле сумасброд-

ного лорда в основание каменной кладки башни. Обожжённые языческими кострами, окропленные святой водой, бесчувственные к смене верований и эпох, они в своей незабываемой тверди пережили возвышение и падение рода, чью силу долгое время питали.

Мокрый мох в расщелинах кладки пах болотным торфом. Камни молчали. Гор с сомнением осмотрел свои руки, но всё-таки решился. Пальцы нащупали острый зазубренный выступ в стене. Несильный удар надорвал кожу, первые еле заметные капли крови выступили на ней чёрными сгустками. Кровь была чужой. Он не собирался связывать постороннего человека с местом родовой силы, но другого выхода сейчас не было. Он снова прижал ладони к камню и прислушался.

Отклик пришёл не сразу. Он ощущался как лёгкое, едва различимое покалывание пальцев. Камень с трудом отзывался на зов чужака, осмелившегося просить себе силы после стольких веков забвения.

Тогда Гор развернулся и сел у подножия башни, прижавшись к сырому камню спиной и затылком. Время тянулось медленно. Плечи слегка отяжелели, словно ладони кого-то близкого ободряюще опустились на них, обнимая и укрывая от опасностей нового мира.

Когда над его головой нависла зловещая тень, Гор медленно открыл глаза.

— Ты опоздал, — презрительно бросил он.

— Кто ты такой, чтобы мешать мне? — прозвучало из темноты. — Я заберу то, что должно стать моим.

— Не думаю, что ты сможешь. Я не отдам тебе это тело. Сейчас оно нужно мне самому. Так что убирайся.

Тёмный туман медленно, не спеша опускался к сидящему. Липкая, вонючая волна окутала голову, подбираясь к горлу, словно хотела удушить жертву. Гор непроизвольно задержал дыхание, превозмогая приступ тошноты, но не сдвинулся с места. Камни за спиной незримо делали своё дело. Ткань шинели, напитавшаяся влагой, успела высохнуть под их жаром, будто он сидел у раскалённого очага. Капли крови с ладони смешались с сыростью мха.

Теперь вязкая серая тень ползала по всему телу в поисках слабого места, не подозревая о происходящем внутри, пыта-

лась заглянуть под плотно опущенные веки сидящего.

— Почему ты не уходишь? — с удивлением спрашивала она. — Зачем сопротивляешься?

Затем тихий голос принялся нашептывать:

— Ты слаб. Ты один. Тебе некуда идти. Ты никому не нужен. Твоя жизнь кончена. Ты умрёшь в мучениях, корчась от боли. Так зачем тебе дальше мучиться? Оставь это тело. Оно всё равно умирает. Оставь и засни мирным сном по собственной воле.

Шёпот становился настойчивее, обволакивал со всех сторон, проникал в самый мозг, пытаясь овладеть шатким сознанием.

— Тебе больно. Тебе плохо. Этот мир отвернулся от тебя. Он не даст тебе ничего, кроме новой боли. Не смотри на него. Не жалея о нём. Ты уже закрыл глаза! Так засни же, наконец! Посмотри, как красив будет твой сон. Он продлится целую вечность. Почему ты всё ещё тут? Почему не хочешь пустить меня разделить этот сон с тобой? Я останусь с тобой до конца. Я останусь в тебе. Я спасу тебя от боли. Уйди же со мной! Уйди! Уйди!

Гор приподнял голову и сделал резкий, решительный вдох. Он выиграл время.

— Ты опоздал! — отрезал он.

Камни за спиной вздрогнули и отозвались низким, утробным гулом. Руки Гора, до сих пор упиравшиеся в землю, резко взметнулись в атакующем жесте, чтобы отбросить от се-

бя тёмный сгусток. Тот отлетел на несколько метров, но сразу же кинулся на сидящего вновь. Доли секунды хранителю хватило, чтобы вскочить. Всю накопленную силу он вложил во встречный удар, понимая: второго шанса может просто не быть. Потеря сознания была бы сейчас равносильна смерти.

Яркая вспышка молнией разрезала сумрак ночи, и тень со зловещим шипением отпрянула от стены. Гор занёс руку для второго удара, выискивая глазами цель, но новой атаки не последовало. Некоторое время он пристально вглядывался в мокрую темноту вокруг, прежде чем осознал, что наконец остался на холме один.

Только тогда он медленно, с благоговением опустился на колени и коснулся лбом каменной кладки стены, благодаря за спасение. Потом поднялся, подхватил лопату и лом и, шатаясь, медленно побрёл дальше.

Только насущная необходимость могла заставить Эльгу Моригл набрать номер комиссара полиции Макса Эдера. Такая необходимость время от времени у неё возникала: Максимилиан Эдер находился в сфере её профессиональных интересов, но сам он упорно пытался войти в сферу личных. Причём предложить в этой сфере он мог мало, потому что на первом, втором и третьем месте у него в жизни была работа. Первая жена в такую жёсткую иерархию не вписалась, кандидатки на открывшуюся вакансию раз за разом не проходили суровый отбор.

Налаживая связи на местном уровне, Эльга познакоми-

лась с ним сразу же, едва обосновалась в своём филиале, успешно увернулась от активных, но кратких ухаживаний и заняла наиболее выгодную и комфортную для себя дружескую позицию на безопасной дистанции.

Эдер был человеком принципов, за которые его и сослали из столицы в провинцию — подальше от греха и от инициированного им нежелательного расследования. Впрочем, он не успокоился и тут. В должности комиссара полиции небольшого города, которую он занимал несколько лет, он держался крепко, как в осаде: гасил бунты внутри и отбивал штурмы снаружи, и всё время получал то выговоры сверху, то жалобы снизу. Подчинённые с радостью променяли бы его на кого-нибудь менее требовательного, а начальство — на кого-нибудь более сговорчивого.

Неплохо разбираясь в экономических вопросах, Эльга была полезна ему в качестве консультанта в делах с коммерческими компаниями и их владельцами. Взамен она иногда просила проверить благонадёжность своих клиентов: покупателей, продавцов, наследников недвижимости.

В полицейское управление она прошла по заранее заказанному пропуску, с заранее заготовленной легендой. По дороге Эльга успела тщательно продумать, в каком порядке должны быть заданы нужные вопросы. Если табернакль уже в розыске, то стоило прежде всего узнать имя владельца, а вот называть имя Иштвана Боржека пока определённо не следовало. Если же табернакль, как украденная вещь, в базе

данных полиции не числится, то об Иштване Боржеке можно и упомянуть — для очистки совести и сбора дополнительной информации.

— Я по делу, — едва поздоровавшись, сообщила Эльга, быстро сбросив пальто, чтобы избежать нежелательной галантности хозяина, который непременно предложил бы помочь даме раздеться.

— Я так и понял, — Макс Эдер обошёл рабочий стол и поманил её к дивану, рядом с которым на тумбочке стоял электрочайник. — Чай будешь?

— Буду, — согласилась Эльга, оглядывая неофициальную часть кабинета, в которой, по всей видимости, иногда и ночевали. — Мне нужно срочно кое-что проверить. Не типичный вопрос для меня. Но ответ может очень помочь.

— Выкладывай, — кивнул Макс и добавил: — Прекрасно выглядишь, кстати. Последний раз мы с тобой виделись ещё летом. Потом проезжал как-то мимо твоего посёлка, хотел заехать, но подумал: вдруг ты уже не одна.

Профессиональная привычка ему не изменяла — он мастерски умел манипулировать и задавать неявные вопросы. Сейчас он очевидно ждал от неё ответа, чтобы выяснить для себя: она по-прежнему одинока или уже с кем-то сошлась, предпочтя ему кого-то другого? Для Эльги же оба ответа были одинаково нежелательны.

При беседе с Максом Эдером совершенно невозможно было предсказать её последствия: предпримет ли он ещё

один заход с ухаживаниями или, наконец, сдастся? А то ещё вдруг решит нагряться, чтобы посмотреть на более удачливого соперника, и наткнётся на аристократическую особу в теле Иштвана Боржека, что на пятнадцать лет моложе хозяйки дома.

Эльга мысленно улыбнулась. Обычно на переговоры её приглашали исключительно в качестве тяжёлой, но издевательски вежливой артиллерии, где её умение незаметно, но твёрдо направлять беседу в нужное русло было очень кстати. Поэтому, что бы ни спрашивал Максимилиан Эдер, отвечать она намерена была только на свои вопросы.

— Три дня провела дома, решила слегка отдохнуть, но работа не ждёт, — она кивнула на монитор, давая понять, что задача срочная. — Хочу тебе показать одну вещь. Ты, помнится, рассказывал, что в столице вёл дело о краже культурных ценностей из музея. Увидела тут церковную утварь, теперь подозреваю: вдруг краденая?

Эдер вернулся к рабочему компьютеру, поставил перед Эльгой коробку с печеньем. Она достала свой телефон и показала фотографии.

— Можешь посмотреть? Не проходит ни по каким делам?

— Как-то это далеко от твоей обычной недвижимости, — с привычной подозрительностью заметил комиссар. — С чего вдруг интерес к антиквариату?

К этому вопросу Эльга была готова. Главное было сказать как можно меньше, а узнать как можно больше.

— Из головного офиса пришёл запрос по аукциону с объектом культурного наследия, — объяснила она. — Конкурируют несколько компаний. Одна из них принадлежит страстному коллекционеру. Вещь — подарок, ещё точнее — взятка от конкурентов за его отказ от участия в торгах. Меня попросили её ему преподнести. Большого сказать не могу, и так сообщаю лишнее. Но ты меня знаешь, я в сомнительных операциях не участвую. Хочу обезопасить себя и успеть вовремя отказаться.

Макс кивнул, взял в руки её телефон и повернулся к своему рабочему компьютеру. Эльга ждала его вердикта.

— По нашему округу не проходит, — сообщил он. — Из столицы ориентировок не было. С чего подозрение? На твой антиквариат какие-то документы хоть есть? Экспертное заключение? Чек магазина? Аукционный сертификат?

— Мне пока не показали. Стоит запросить?

— Чтобы обезопасить себя — непременно.

Эльга кивнула.

— Вещь явно старинная, мне сказали: XVI век. Подарить коллекционеру такую вещь с сомнительным прошлым — большой риск.

Эдер презрительно сморщился:

— Веришь в щепетильных коллекционеров? Ты просто не в курсе. Рынок антиквариата на три четверти всегда чёрный. Если нужно легализовать предмет, это не так уж сложно сделать. Антикварные магазины при необходимости за деньги

могут выдать чек. Экспертное заключение — тоже не большая проблема. Так что документы ты, конечно, запроси. Но не слишком им доверяй.

— Спасибо за совет, — задумчиво протянула Эльга. Картина розыска владельца табернакля представилась ей в несколько новом свете.

— Второй вопрос более мелкий, стандартный, — она отхлебнула из кружки чай и откусила печенье, давая понять, что серьёзные вопросы исчерпаны. — Проверь мне одного человека. Чтобы был без грехов, судимостей, розысков.

— Имя?

Эльга назвала имя и возраст. Макс Эдер снова углубился в полицейскую базу данных.

— Нет ничего на твоего человека, — сообщил он через пару минут. — Чист.

Эльга неудовлетворённо поморщилась.

— Нужно что-то накопать? — поинтересовался он.

— Помощника мне дают, — как бы с неохотой призналась Эльга. — В общем, мне нужен повод отказаться. Что вообще на него есть? Может, на учёте числился? Вид у него, признаться, как у бывшего наркомана. Вдруг заявления какие-нибудь на него были? Жалобы соседей. Посмотри как следует, с подробностями.

Макс Эдер ещё немного пощёлкал клавишами.

— Да нет тут особых подробностей. На учёте по наркотикам не числится, — он отрицательно покачал головой. — По

гражданским актам... Водительские права получил четыре года назад, штрафов нет. Не женат. Вот вижу ещё одну женщину с фамилией Боржек, и даты рождения день в день совпадают. Вероятно, сестра-близнец. Удостоверение личности потерял и восстановил в прошлом году. Адрес места жительства не подтверждён. Видимо, какую-то официальную бумагу не получил. У сестры, кстати, тот же адрес указан как подтверждённый. Больше ничего сказать не могу.

— Да, маловато для отказа, — призналась Эльга.

— Зачем тебе помощник? Ты ж принципиальная одиночка, — Эдер упорно возвращался к своей теме.

— Кто бы говорил, — скептически прокомментировала Эльга.

— Я одиночка не принципиальный, а вынужденный. Ты же вот и вынуждаешь.

Эльга примирительно улыбнулась.

— Макс, давай закроем тему. У тебя всё равно на меня времени нет. Ты давно, счастливо и успешно женат на работе. Спасибо, что помог и успокоил. С меня ужин в «Горном льве», а то я ещё за прошлый раз не рассчиталась.

Эльга подхватила пальто, думая, что комиссар откажется, и собралась прощаться, но Макс Эдер бросил быстрый взгляд на часы и тоже решительно поднялся.

— Так, верная жена, — демонстративно бросил он, обращаясь к светящемуся монитору, — я на пару часов схожу налево.

Эльга рассмеялась.

— Она тебя плохо кормит. Пойдём, накормлю тебя, а то с такой женой ты отощaeшь.

«Горный лев» был не самым лучшим и не самым дорогим, но, несомненно, самым благопристойным рестораном в городке. Он располагался в стороне от туристических маршрутов, соседствовал с управлением полиции, оттого захаживали в него исключительно законопослушные старожилы. Тут негромко звучала классическая музыка, не мешавшая гостям вести беседу, а хозяин — пожилой усатый горец, лично выходявший к гостям поздороваться, — до сих пор сохранял гордую осанку того самого льва, в честь которого и был назван при рождении. Завсегдатаев своих он знал поименно. Даже краткая беседа с ним была гораздо полезнее визита к психотерапевту, и Эльга когда-то в шутку даже посоветовала Льву Киллею включать посетителям в счёт блюдо под названием «Хороший совет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.